

И. Горбунов-Посадов

ЖИВАЯ ЛЮБОВЬ

РАССКАЗ

О ТОМ, КАК ЖИЛ, ТРУДИЛСЯ И УМЕР
ДАМИАН ДЕ-ВЕСТЕР
ДРУГ ПРОКАЖЕННЫХ

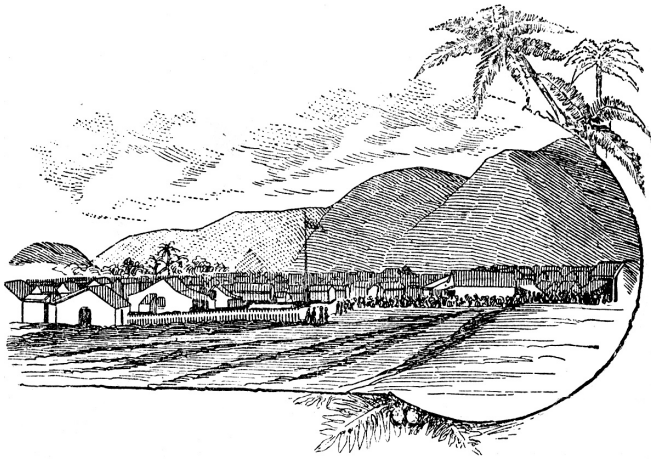
С ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

МОСКВА

Типография К. Л. Меньшова, Арбат, Никольский пер., д. 21.

1912.

Селение прокаженных на острове Молокаи.

Гавайская хижина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

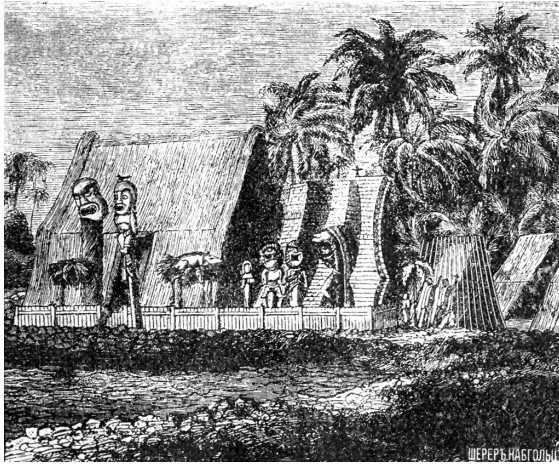
Гавайские острова

Двести лет тому назад по Великому океану плыл на своем корабле англичанин — капитан Кук. Он много уже странствовал по морям, открывая новые земли, неизвестные еще европейцам. В 1778 году корабли англичанина Кука подошли к красивым островам, возвышающимся среди Великого океана. На островах этих виднелись зеленые холмы и огромные деревья. Здесь жили полудикие люди, управляемые своими королями. У вс током короле передавалась из рода в род. Гавайцы верили, что король стал богом, и в честь его каждый год устраивали праздник.

Увидев капитана Кука, гавайцы вообразили, что это вернулся к ним их король и бог, и они приняли капитана и его матросов как богов, приехавших к ним с самого неба. Их жрецы (священники) прислуживали Куку, а народ падал перед ним на колени. Гавайцы отдали все свои земли в распоряжение Кука. Но хотя матросы Кука и были по названию христиане, но люди они были грубые и стали обижать гавайцев. Сначала народ терпел, а потом стал роптать. Один из матросов помер и был погребен в земле. Тогда гавайцы стали говорить, что боги ведь не помирают и в землю их не закапывают. Потом они стали поговаривать и о том, что белые люди, приехавшие к ним худыми и голодными, разжирели на их готовом хлебе, и что пора бы им вернуться на свое небо. Потом стали негодовать и на самого Кука, потому что он насмеялся над разными их святынями и обычаями. Но гавайцы долго еще терпели притеснения и насмешки англичан. Однако их терпению пришел конец.

У них были роци с деревьями, которым они поклонялись, и роци эти

считались священными, — никто не мог срубить там ни одно дерево: за это полагалась смерть. Матросы Кука, зная про это, взяли, однако, и вырубили такую священную рощу на дрова. Гавайцы пришли в ярость от такого поругания их веры; они отогнали матросов залпом камней и убили самого Кука. Но как только злорада гавайцев поулеглась, и они обсудили свое поведение, они впали в глубокую скорбь. Они схоронили Кука так, как схоронили своих царей, и в память его принесли в жертву богам свиней и собак, так как, по их поверью, такими жертвами они могли замолить грехи свои и его.

Храмы с идолами.

Гавайцы уже в те времена занимались земледелием. Ходили они полунагие. Хижины их видом были похожи на наши сенные стога, и только князья у них строили дома на каменном фундаменте.

У каждого гавайского племени был свой князь. Князья эти старались захватить себе побольше земли и часто воевали между собой. Врага рубили беспощадно; также немилосердно побивали и своих воинов, если они бежали с поля битвы.

Весь народ у них делился на господ и слуг. Господами были князья, начальники и жрецы; их звания передавались по наследству. При виде своих князей народ падал на землю. Никто не смел есть такие кушанья, какие ели князья, и говорили даже князья между собой на таком наречии, на каком не смел больше никто говорить.

Гавайцы поклонялись идолам, изображавшим разных богов. Они верили в такие все божества, которые только наводили на народ страх и ужас. Поэтому идола, изображавшие у них богов, были страшными чудовищами. Эти идолам они поклонялись; но, рассердившись за что-нибудь на них, гавайцы колотили

своих богов или даже выбрасывали их и заменяли новыми.

Самые главные боги, по их поверию, жили будто бы на дне огнедышащих гор Мауна-лоа, где жила будто бы и самая ужаснейшая их богиня — богиня огня Пеле.

Гавайцы верили, что люди будут жить и в загробном мире; они думали, что на том свете ничего радостного не будет, потому что там людей ожидают одни страшные наказания за грехи.

Когда умирали князья, гавайцы в память их приносили богам в жертву людей из простого народа: они думали, что если в честь богов они перебьют нескольких людей из простого звания, то князья и на том свете будут иметь рабов, которые будут им прислуживать.

Жрецы гавайские запугивали народ выдуманными злыми богами и раздували в народе всякия суеверия, всякия глупости и страшные поверия. Им это было на руку, потому что они собирали с обманутого народа для богов всякие приношения, которые, понятно, тащили себе.

Но, несмотря на всю свою тяжелую жизнь, несмотря на свою темную веру, несмотря на насилия князей и обман жрецов, народ гавайский все-таки жил недурно, потому что нрава народ этот вообще доброго и веселого, а земля на Гавайских островах самая цветущая и плодородная и кормиться на ней было легко.

Убийство Кука не устрасило белых людей — европейцев и американцев, так как гавайцы не имели вообще вражды против них. И с тех пор английские корабли стали заходить на Гавайские острова. Сначала, лет пять-десять, острова эти посещали на своих кораблях английские купцы, продававшие гавайцам разные товары. От гавайцев купцы увозили разные плоды, драгоценное дерево, сахарный тростник и тому подобные ценные вещи. Купцы жадно набросились на эти плодородные острова, потому что они могли с них вывезти много выгодных товаров, а сами островитяне были просты и доверчивы и их легко было обманывать и обсчитывать.

Кроме купцов, заходили еще корабли промышленников-китоловов, которые искали и били из-за дорогого жира больших морских животных — китов, плавающих по Великому океану. Купцы и матросы с кораблей сходили на берег и гостили у гавайцев, а некоторые даже поселялись у них.

Много зла, однако, принесли с собой к гавайцам белые люди — торговцы и моряки. Считаясь христианами, белые люди должны были бы показать полудиким островитянам христианскую любовь и научить их лучшей жизни. Но чему могли научить жадные белые торговцы и грубые матросы, привыкшие пьянствовать и распутничать? Они только обманывали гавайцев, приучали их к водке, ужасному дурману — опиуму и ко всяким распутствам, о которых прежде и во сне не снилось бедным полудикарям.

Гавайцы очень податливы и на все доброе и на все злое. Они замечательно гостеприимны и ласково приветствовали белых иноземцев, охотно предоставляя им лучшую свою пищу и жилище. А заморские гости принесли к ним обман и

пороки и развращали своих ласковых хозяев.

Когда первые европейцы появились на берегах Гавайских островов, жители их были рослые, сильные и красивые. Такими с виду они остались и теперь. Но от пьянства, распутства и разных вредных привычек, которым выучили их европейцы, народ гавайский ослабел и его становилось все меньше и меньше.

Группа современных гавайских туземцев

Когда капитан Кук со своими кораблями впервые посетил эти острова, гавайцев было до четырехсот тысяч человек. Так вымирает это веселый и добродушный, но слабый народ.

Белые люди действовали искусно: они вкрались в доверие к гавайским королям и даже всю власть почти совсем захватили в свои руки. Они скупали и захватывали земли, понастроили фабрики и заводы и сделали из гавайцев себе дешевых батраков, почти что рабов.

Но гавайцы незлопамятны и по-прежнему дружелюбно встречают новых белокожих гостей.

Уже долго спустя после торговцев и вообще таких белых людей, которым нужно было только выжать из гавайцев разные выгоды, явились к гавайцам и такие белые люди, которые пришли к ним не во имя барыша, а во имя Божие, — пришли к ним, как к братьям, которые нуждались в просвещении ума и сердца учением Христа и лучшею мудростью человеческою.

В 1809 году в одном из городов Америки, то есть в той части света, где живут также белые люди, нашли на ступеньках одной школы горько плакавшего темнокожего мальчика. Его расспросили и узнали, что его зовут Обукиа и что родом он с Гавайских островов. В это время была война между двумя гавайскими князьями, и отца и мать Обукиа убили у него на глазах, и пока мальчик убежал, таща на спине своего маленького брата, малютку этого убили копьем, а самого его взяли в плен. Обукиа бежал из плена и спасся на американском корабле, стоявшем тогда у Гавайских островов. Матросы привезли мальчика в Америку. Здесь он скитался без пищи и без крова, пока его, наконец, не нашли около этой школы. Школьный учитель взял мальчика к себе и приютил его.

Учитель познакомил мальчика с учением Христа. Обукиа очень любил свой народ и стал просить, чтобы его научили читать Библию (книги Ветхого и Нового Завета) и потом отпустили назад домой сказать своим, чтобы они молились не идолам, а небесному Богу. Желание Обуки было исполнено, и, научившись, он уехал на родину.

В это же время в Америку попали еще два гавайских мальчика — Теное и Хопу: их завезли американские торговцы, которые занимались также тем, что или покупали или просто хватали детей островитян и увозили, чтобы продать в невольники. Обоих этих мальчиков нашел и приютил тот же самый учитель — Дуайт. Он стал учить и их. Но они не вернулись скоро на родину, а оставались еще долго в Америке. Они приняли христианство и готовились проповедывать его на своей родине.

И вот через десять лет двенадцать человек мужчин и женщин отправились из американского города Бостона на Гавайские острова для проповеди Евангелия среди гавайских идолопоклонников. Руководителями этих проповедников были Теное и Хопу.

Когда эти двенадцать человек выезжали из американского города Бостона, американцы говорили им: «Ну, трудно вам будет поделаться что-нибудь с этими дикарями. Наверное, никто из вас не доживет до того дня, когда уничтожится там поклонение идолам». Но когда проповедники приехали в Гавайское королевство, идолов там уже уничтожили.

У гавайцев появился в это время такой король, который произвел большие перемены. После долгих войн король этот соединил все острова под одним своим владычеством. Потом, перестав воевать, он начал изменять порядки в своем царстве.

У гавайцев все люди были разделены на касты, то есть, на сословия, — было сословие вождей, сословие жрецов, сословие воинов и, наконец, сословие простых людей. Быть простым человеком считалось презренным, низким. Простой человек не мог перейти в высшие сословия, потому что в них вступали не по заслугам, а по наследству. Самым высшим сословием было сословие князей, которым воздавались почести, как богам.

Простого человека казнили смертью, если тень его падала на кого-нибудь из князей, или если он входил за ограду его дома. Казнили и в том случае, если про-

стой человек стоял, а не падал на землю, когда имя князя упоминалось в песне. За все это рубили головы.

На женщин здесь смотрели с презрением. Их считали существами низшими, недостойными даже сидеть рядом с мужчинами. Женщинам не позволялось есть птиц, свинины, кокосовых орехов и бананов с банановых деревьев, посаженных в честь идолов. За это их наказывали смертью.

— Отчего ты потеряла глаз? — спросила одна христианка у маленькой гавайской девочки.

— Мне выкололи его за то, что я съела банан со святого дерева, — ответила она.

Если кто-нибудь производил малейший шум в то время, когда молились перед идолами, такого человека казнили смертью.

Когда гавайцы оканчивали постройку какого-нибудь своего храма, они убивали нескольких человек в жертву богам. Один путешественник видел большой четырехугольный храм на гавайских берегах, в котором находилось громадное количество человеческих черепов от людей, принесенных в жертву. Там сохраняются еще веревки, посредством которых один из жрецов (священников) задушил двадцать три жертвы.

Гавайцы убивали слабых и уродливых детей. Умалишенных убивали камнями до смерти. Стариков хоронили живыми или просто оставляли погибать без пищи.

Так вот, этот новый король, Камехамена, первым начал смягчать эти жестокие обычаи. Он велел, чтобы люди не делились больше на сословия и простых людей перестали казнить за то, что они осмеливались стоять около князей и жрецов. Народ стал свободным от власти князей и жрецов. Князей перестали считать божественными существами, а стали на них смотреть, как на таких же людей, как и все прочие.

Потом Камехамена сравнял женщин с мужчинами. Он встал однажды из-за своего стола, где он пировал, перешел к столу своих жен и сел подле них, чтобы вместе с ними продолжать есть и пить. За ним за этот стол сел и первосвященник.

Народ, когда увидел, что царь и главный священник сидят рядом с женщинами, перепугался и ждал, что боги покарают их за такое нарушение обычая. Но боги ничего не сделали, и с тех пор женщин перестали считать низшими и недостойными существами.

Хотя настоящих проповедников истины христианской гавайцы еще не видели, но все же от заезжавших к ним белых гостей они слышали кое-что про христианскую веру. Белые люди смеялись над их идолами и говорили, что глупо и безумно поклоняться богам, сделанными человеческими руками. Камехамена понял, что их боги были только деревянные истуканы и ничего более, и что молиться им — это все равно, что молиться доскам или поленьям. Он понял, что у христиан есть такой Бог, который выше всего, которого нельзя осязать или сделать из камня или доски, которого никто не видит, но который Сам видит

все, что делается на свете и всем управляет. Поняв это, Камехамеха велел разрушить все храмы. Храмы были разрушены и изображения богов были сожжены. Народ ужасался; все ожидали, что за это прогремят с небес громы и молнии и покарают людей, но ничего этого не было, все кончилось благополучно, и народ сам начал понимать, что его боги были вовсе не боги, а простыя болвашки, и все, что жрецы рассказывали о них, были одни только пустые сказки.

Камехамеха был уже стар. Вскоре он захворал и слег. Умирая, он попросил какого-то белого торговца рассказать ему про американского Бога, то есть про Бога, которому поклоняются белые люди. Но торговец ничего не мог сказать королю, потому что сам хотя и считался христианином, но всю жизнь поклонялся только одному богу — маммоне, барышу, и ничего не мог сказать такого, что нужно было для души умирающего короля-язычника, который почувствовал стремление к истинному Богу.

Так вот, когда двенадцать американских христиан с Теное и Хопу во главе приехали на Гавайи, там идолам перестали уже поклоняться. Земля была уже вспахана для того, чтобы сеять в нее семена истинной веры.

Христиане эти приехали в Гавайю 31 марта 1820 года после долгого утомительного путешествия вокруг Южной Америки. Гавайцы с радостью приветствовали их. Новый царь Лихо-Лихо пришел в гости на их корабль с пятью своими женами. Они пришли прямо по отмели без всякой одежды. Христиане заметили королю, что лучше бы им носить одежду, и в следующий раз царь пришел к ним тоже голый, но в шелковых чулках и шляпе. Он в первый раз в жизни у них увидал кровать и бросился на нее и катался по ней с величайшим наслаждением.

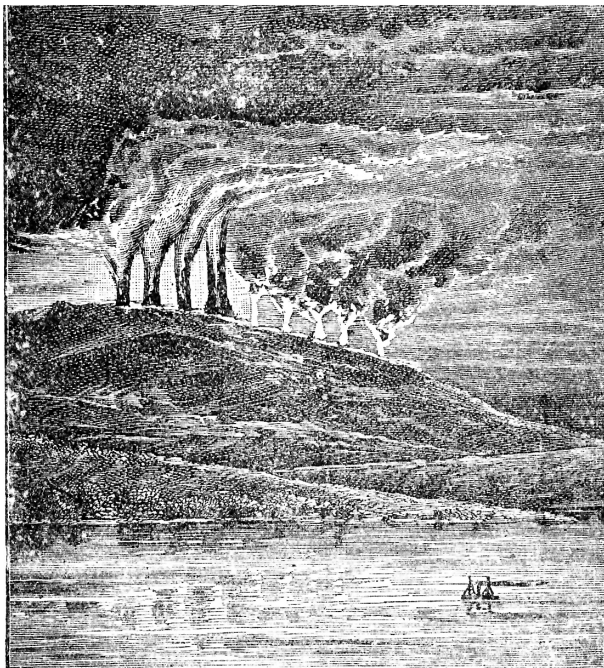
Нравы гавайцев были еще очень грубые. Королевские праздники давались в большой палатке, и на этих пирах съедалось по 200 собак. Обжорство во время этих пиров было ужасное, и для этого беспощадно истреблялись сотни зверей.

Царская семья и вожди первыми пожелали учиться читать, но король очень плохо учился из-за своего обжорства и пьянства.

Христиане-проповедники начали знакомить гавайский народ с евангельским учением. Первой обратилась в христианство принцесса (княгиня) Капиолани. Она стала верным другом проповедников новой веры. На одном из Гавайских островов есть огромная огнедышащая гора Мауна-лоа. Из горы этой по временам бывают извержения от подземного огня: гора выбрасывает из себя дым с огнем и лаву, то есть расплавленные камни; лава стекает с горы целыми потоками и застывает вокруг нее. В обыкновенное же время гора эта только дымится. Огонь и дым, исходящие из горы, наводили страх на народ и гавайцы верили, что на дне этого вулкана живет страшная богиня Пеле. Никто поэтому не смел приближаться к этой горе. Все боялись гнева богини.

Принцесса Капиолани решила показать народу, что эта вера в каких-то богинь одна только глупость. Принцесса отправилась со своими людьми и через застывшие потоки лавы дошла до вершины горы с огромным жерлом, из которого выходили дым и пламя. Там-то, по вере народной, жила богиня Пеле.

Принцесса бросила туда ветви и ягоды с дерева, посвященного этой богине,

Извержение вулканов (огнедышащих гор) на Гавайских островах.

и громким голосом вызывала ее, чтобы она вышла и показала себя. Народ молча стоял кругом, ожидая со страхом, что будет. Но богиня не показывалась и никто не наказывал дерзость принцессы, осмелившейся взойти на Мауна-лоа и кричать богине.

Тогда Капиолани спокойно вернулась к народу и сказала:

— Вы видите, что никакой Пеле нет, и нет у нее никакого могущества, а есть один только Всевышний Бог — Иегова, есть один только Спаситель — Христос.

Этот поступок ее сильно подействовал на народ, и после этого большая часть гавайцев обратилась в христианство.

Американцы-проповедники, прибывшие с Хопу и Теное, скоро выучились гавайскому языку и научили гавайцев читать и писать. В 1822 году была напечатана первая книга на гавайском языке.

С тех пор много проповедников христианства приезжало на Гавайю. Первые проповедники были американцы-протестанты, и потом наезжало также много протестантских проповедников. Потому большая часть гавайских христиан — протестанты. Католические проповедники стали приезжать уже позже, и католиков поэтому не так-то много в Гавайе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Молодой миссионер

К этим-то Гавайским островам приплыл в марте 1833 года парусный корабль, на котором ехал молодой католический священник — Дамиан де-Вестер.

Дамиан де-Вестер был родом из Бельгии, — так называется небольшое государство, которое находится в той части света — Европе, где и Россия, и лежит между Францией и немецкими землями. Его отец был земледельцем, и детство Дамиана прошло в деревне. Там он и учился в сельской школе. А когда он подрос, то родители отвезли его в город и поместили в коммерческое (торговое) училище; они хотели, чтобы умный и способный их сын выучился там таким наукам, чтобы мог потом получить выгодное место в торговых конторах или в банке. Родители Дамиана мечтали уже о том, как он впоследствии сделается сам хозяином большого торгового дела, богатым купцом или фабрикантом. Но Дамиану было это совсем не по душе. Ему совсем не хотелось стоять за прилавком и уговаривать покупателей или сесть в контору и подсчитывать купеческие барыши и проценты капиталиста, чтобы потом через десять лет стать самому жирным купцом или банкиром. Его душа просила чего-то другого, более светлого и разумного.

Он учился уже в старшем классе училища, когда раз случайно попал он на собрание миссионеров, то есть проповедников христианства среди язычников и идолопоклонников. Миссионеры, съехавшиеся с разных концов света, рассказывали о том, как переплывали они моря и реки, пробирались дремучими лесами, проходили тысячи верст безводными песками, как подвергались нападениям хищных зверей и диких людей, как терпели холод и голод, обиды и поругания, — и все ради того, чтобы принести к темным людям проповедь евангелия.

Перед Дамианом вдруг открылась совершенно новая жизнь. Ему захотелось так же служить Богу, как служили Ему эти люди, пойти делать то, что и они, и отдать всю свою жизнь за это.

Еще в детстве он чрезвычайно любил слушать жития разных мучеников и подвижников. С детства он был очень верующим, и теперь эта детская вера и любовь к Богу и Христу вспыхнули в нем с необыкновенною силой. Он решил оставить училище и не знал только, куда пойти ему, чтобы подготовиться к суровой жизни и к проповеди.

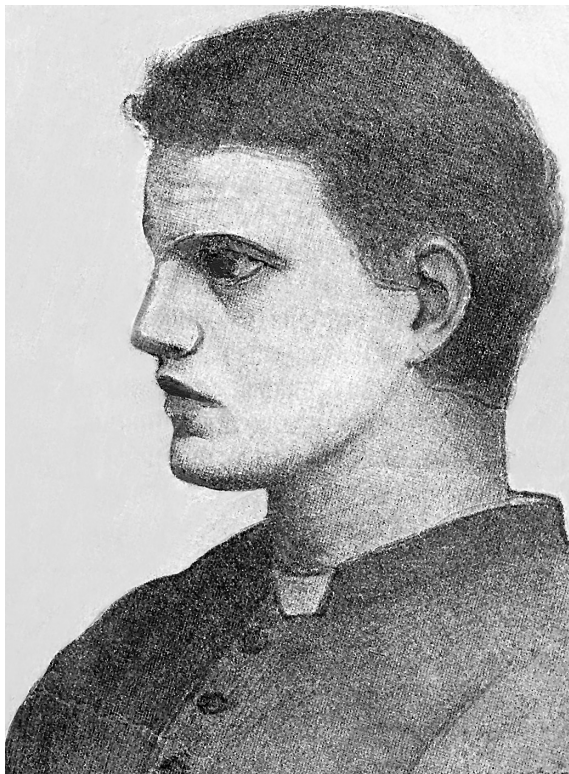
Сначала он хотел уйти к монахам-трапистам, которые отказывались от всяких благ и радостей мира, посвящая себя нищете и молитве. Они изнуряли тело строгим постом, носили на теле власяницу и ходили босые, с обнаженной головой летом и зимой. Но старший брат Дамиана, монах Памфилий, уговорил его поступить к нему в монастырь. В этом монастыре монахи именно приготавлились к тому, чтобы быть потом миссионерами — проповедниками.

И Дамиан стал жить в этом монастыре, готовясь к избранному пути.

Прошло уже два года, как он жил в монастыре; он рвался поскорее к желан-

ному труду, но его все еще никуда не посылали. Настоятель монастыря находил, что Дамиан чересчур молод для проповеди.

Бездеятельная жизнь в монастыре очень тяготила Дамиана. Старшие товарищи убеждали его терпеливо ждать, когда придет время ему стать миссионером, — и он ждал, скрепя сердце и молясь, чтобы день этот настал поскорее.

Дамиан де-Вестер в молодости.

В 1863 году настоятель предложил брату Дамиана Памфилию ехать на Гавайские острова для того, чтобы наставлять там христианской вере полудиких жителей. Памфилий начал собираться и вдруг среди сборов тяжело заболел. Болезнь его длилась долго и неизвестно было, когда он выздоровеет. Тогда Дамиан спросил брата: «Не правда ли, ведь тебя утешило бы, если бы я поехал вместо тебя на проповедь?». Памфилий ответил, что это было бы для него большим утешением, но он знает, что настоятель не разрешит этого Дамиану, потому что он слишком еще молод.

Дамиана опечалили слова брата, но он немедленно решил, что ему делать. И вот он написал письмо старшему настоятелю всех монастырей их общины. В этом письме он просил старшего настоятеля разрешить ему, несмотря на его

молодость, ехать миссионером на Гавайские острова, заменив больного брата Памфилия. Дамиан писал, как горячо хочется ему отдать себя Божьему делу, как день и ночь он молился об этом. И вот, к удивлению монахов, вскоре в монастырь пришла бумага от старшего настоятеля, в которой говорилось, что Дамиан де Вестер посылается проповедником на Гавайские острова вместо брата его Памфилия.

Мечта Дамиана сбылась. Он быстро собрался и через неделю был в приморском городе Бремергафене. Там он сел на корабль и отплыл на Гавайские острова.

Плыл он туда пять месяцев, и плавание это было утомительное и опасное. Морские бури несколько раз сильно трепали его корабль.

Когда Дамиан увидал с борта корабля острова Гавайи, он залюбовался на открывшийся перед ним вид. Около живописных островов, покрытых причудливыми растениями плескалось море самого чудного ярко-голубого цвета. Под водою виднелись чистые белые кораллы, а над ними мелькали рыбы таких ярких цветов, как у попугаев: инья из них были желтые, как канарейки, другие — ярко-оранжевого цвета. А кругом, на островах, возвышались горы, и светлые потоки стремились по их скатам мимо зеленевших пропастей в синее море. Рощи кокосовых деревьев виднелись на берегах, сады благоухали самыми прекрасными цветами: розами, лилиями, гелиотропами.

Дамиан высадился в столице Гавайи Гонолулу, расположенной на острове Оагу. Разыскивая католического епископа, на пути его к его дому он видел главные улицы города, на которых возвышались дома, выстроенные по-европейски, — в домах этих жили важные чиновники, английские и американские купцы и разные богатые люди; в них были также роскошные магазины и гостиницы. Затем он увидел дворец короля, потом китайский квартал, в котором теснились один к другому деревянные дома китайцев, наехавших сюда из Китая искать работы. И, наконец, только на окраинах города, он увидел бедные, кое-как из досок сколоченные лачужки, в которых живут коренные жители островов — канаки; они промышляют поденщиной, за которую получают скудную плату, торгуют рыбой, ловить которую большие охотники, и еще продают искусно сплетенные пестрые венки, которыми любят украшаться гавайские женщины.

На другой день Дамиан уже уехал в свой приход. Желание его сбылось: он очутился среди бедных, темных братьев, которым мог принести свет учения Христа.

Дамиан вскоре увидал, что большинство его прихожан только по имени христиане, а в глубине души они оставались теми же язычниками. Считая себя христианами, они поклонялись не одному небесному Отцу, но по-старому верили еще свои когунам — жрецам и знахарям. Когуны эти ворожили и колдовали, обманывая народ сказками о разных грозных богах. Затем гавайцы поклонялись еще разным тварям, — например, ящерицам, потому что они считали, что в этих животных есть что-то божественное. Вообще много языческих суеверий держалось среди народа.

О том, как жить по-христиански, гавайцы знали еще меньше, чем о вере христианской. Проповедники христианские не очень-то этим занимались; с них было довольно того, что если столько-то гавайцев согласятся креститься и числиться их прихожанами, то и дело с концом.

Попадались, конечно, и такие проповедники, которые разъясняли гавайцам, как должны жить христиане, говорили им о том, что Спаситель учил всех людей любить друг друга как братьев, не обижать и не притеснять никого, делиться с бедным, кормить голодного, одевать нагого, помогать больному, быть кротким, терпеливым и милостивым, и так далее. Попадались даже из самих гавайцев такие христианские проповедники, которые поучали своих земляков любить всех людей, как братьев, потому что все люди — дети одного небесного Отца. Они учили, что христианин не должен ни с кем враждовать, и что если есть люди, враждующие против него, то он должен прощать им вражду их и молиться за них, чтобы Бог послал в их сердца любовь вместо злобы.

Когда мальчики-христиане и язычники собирались в первый раз учиться к ним в школы, проповедники эти спрашивали каждого из них: «Как вы думаете: должны ли вы любить врагов ваших?». И когда мальчик отвечал: «Да, должны», — они садили его с христианами; а когда мальчик отвечал, что врагов любить не следует, то хотя бы мальчик и считался христианином, проповедники садили его с язычниками, потому что видели, что мальчик еще не знает учения Христова, так как в евангелии написаны эти слова Иисуса:

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»).

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный»**).

Но таких проповедников, как эти гавайцы, учивших народ христианской жизни, было очень мало. Напротив, появлялись такие даже проповедники, которые сами делали дела, совершенно противные христианскому духу. Так, например, один гавайский король прогнал почему-то из своего королевства католических священников. Священники уехали, но через некоторое время вернулись на французском военном корабле, на котором было сто пушек. Корабль этот стал напротив гавайской столицы, и священники объявили, что если их не пустят обратно в их приходы, так они велят стрелять из пушек и разрушат всю столицу. Тогда король испугался, и католических священников впустили опять в Гавайю. Само собою понятно, что такие священники, которые вламываются как разбойники, с пушками, не могут научить народ ничему хорошему.

Если попадались даже миссионеры, которые приходили с пушками, то чего

же могли ожидать бедные язычники от других белых людей? И действительно: глазам своим не веришь, когда читаешь рассказы о том, как зверски обращались образованные белые люди, европейцы и американцы с дикими людьми везде — и в Австралии, и в Африке, и в Азии. Белые люди прямо говорили, что земли этих дикарей должны принадлежать им, а дикарям лучше околевать и очищать место для белых. Белые захватывали дикарей, продавали их в рабство, истребляли их всеми способами: в Африке португальцы торговали несчастными неграми-невольниками; в Австралии англичане охотились на дикарей, как на диких зверей. Доходило до того, что они отравляли дикарей, как крыс, кусками хлеба с ядом или кормили своих голодных собак их мясом. Не лучшие дела делали другие европейцы везде, где они поселялись среди диких племен.

В 1873 году в дикой Африке умирал Давид Ливингстон, сын фабричного рабочего и сам бывший ткач, сделавшийся проповедником евангелия среди диких племен. Тридцать лет он странствовал по Африке, пренебрегая всеми опасностями, и на путях своих открыл много новых, никем не изведанных земель и народов. И вот что сказал, умирая, этот великий человек:

«Кажется, ничего не вышло из моих трудов, потому что, как только я открывал путь в новую землю, сейчас же, по моим следам являлись белые торговцы, которые развращали темных дикарей, которых я старался обратить в христианство, и заводили бесчеловечную торговлю людьми. Я старался сеять, но вслед за мною хищные звери топтали мои посевы».

Многие люди уверены, что иначе и нельзя обходиться с дикарями. Они говорят, что к ним можно идти, только вооружась с ног до головы, чтобы быть готовыми бить их, когда понадобится, так как дикари не могут понять ласкового человеческого обращения, и одна управа на них — ружье и пистолет, и что от Бога им уже назначено погибнуть, а белым людям воцаряться на их место.

Но, к счастью, не все люди думают так. Лет двадцать тому назад, один наш русский ученый, Николай Николаевич Миклуха-Маклай, задумал поселиться один среди австралийских дикарей для того, чтобы изучить их жизнь, их язык, их нравы и обычаи, а также животных и растения их земли. Он поехал для этого на русском военном корабле, который отправлялся в плавание вокруг света. Миклуха-Маклай просил высадить его на берегу Новой Гвинеи (это не очень далеко от Гавайских островов), где жили совершенно дикие люди, которые были даже людоедами.

Офицеры корабля отговаривали Миклуху-Маклая от высадки в Новой Гвинее. Они были уверены, что если он останется там один, без вооруженного конвоя, то дикари вскоре убьют и съедят его. Но Маклай стоял на своем, и они доставили его на берег. Когда корабль уходил от берега Гвинеи, офицеры с грустью думали о том, что скоро, вероятно, от молодого ученого, останутся одни только кости.

Но случилось не так. Ни один волос не упал с головы Миклухи-Маклая за все время жизни его с дикарями. Дружба с ними не сразу далась ему, потому что дикари были недоверчивы и со страхом глядели на человека, который, как

они думали, упал к ним с луны. Но мало-по-малу Миклуха-Маклай сдружился с дикарями. Не силою, не оружием завоевал он дикарей, но привлек их к себе любовным и разумным обращением. С геройским терпением старался он установить добрые отношения с дикарями и постепенно добился того, что дикари прекратили даже кровавые распри между собою, потому что они увидали, наконец, от Маклая пример доброй и разумной жизни и узнали, что такое доброта и правдивость.

Маклай стал любимым другом и наставником этих дикарей. Они смотрели на него, как на посланника Бога, который принес свет в их темные души.

Когда через несколько лет ему пришлось уезжать от них, дикари сильно горевали и упрашивали его вернуться к ним. Они не хотели даже отпускать его, — так сильно они к нему привязались.

Так вот как прожил среди людоедов беззащитный русский ученый, вся сила которого была в его доброте к бедным дикарям.

И здесь, на Гавайских островах, в нескольких сотнях верст от тех островов, где Миклуха-Маклай братски жил с людоедами, белые люди, христиане, — торговцы, промышленники и помещики, — вносили разврат в жизнь гавайцев, спаивали их водкой и отравляли опиумом, захватывали их земли, обращали их в своих батраков и обманывали их самым бессовестным образом. Так что молодому проповеднику Дамиану де-Вестеру пришлось оберегать души своих прихожан от своих же собратьев по вере. Дамиан старался возвысить нравы своих прихожан и защищать их от вреда, который наносили им ложные христиане.

В 1865 году, то есть через два года после прибытия его в Гавайю, Дамиан писал своим родителям: «Для меня большое счастье — время от времени посылать вам весточку о себе и напоминать вам, что в середине этого необъятного Тихого океана, на маленьком островке, вы имеете сына, который вас любит, священника, который молится за вас, проповедника, который проводит свое время в погоне за потерянными овцами нашего обожаемого Господа. У меня много затруднений и огорчений. Но все же я очень счастлив..».

Дамиан был миссионером в округах Пуна, Кохала и Камокуа. Деревни этих округов разбросаны одна от другой на далеком расстоянии, и Дамиану трудно было часто бывать в каждой из них. Видя это, он выбрал из каждой деревни по одному умному и способному юноше-гавайцу, подготовил этих юношей и потом разослал их по своим деревням. Там они читали с народом Священное Писание и беседовали с ним о Боге и Христе.

Здесь провел Дамиан десять лет своей жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Живая могила

Во время своих странствий по гавайским деревням Дамиану часто приходилось встречать прокаженных, — их очень много на островах Гавайи.

Проказа показала на этих островах более полувека тому назад. Как она туда попала — этого никто не знает. По всей вероятности, ее занес из Азии какой-нибудь иностранец. А стоило только прокаже появиться на двух-трех людях — зараза ее распространилась уже во все стороны и навсегда там укоренилась. Прокаже, конечно, особенно легко было там распространиться, потому что гавайцы народ очень общительный. Все, что им принадлежит, они готовы разделить со всяким. Войдите только в их дом в первый раз, и вы сейчас же станетесь им закадычным другом. Они беспрестанно меняются вещами и дарят друг другу разные подарки. Живут они в большой тесноте, но двери их домов открыты для всякого человека.

Когда проказа появилась впервые, гавайцы не думали, что она станет распространяться дальше. Они не принимали против нее никаких мер. Они продолжали есть из одного блюда с прокаженными, спали с ними на одной рогожке, курили из одной трубки.

И проказа распространялась все более и более; прокаженные стали встречаться повсюду в Гавайе.

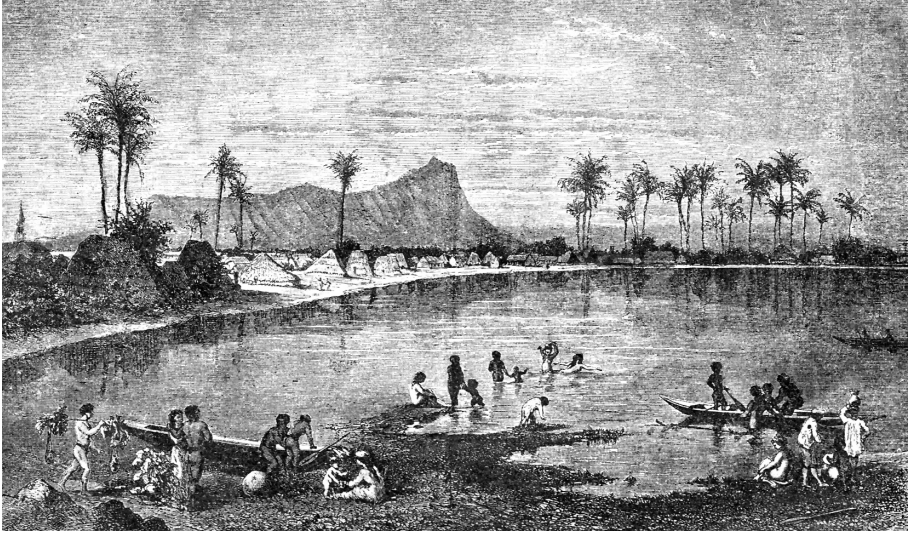
Тогда гавайское правительство решило, чтобы прокаженные не разносили заразу, удалять их совсем навсегда из среды здоровых людей. Для этого был избран остров Молокаи. Сюда правительство приказало свозить отовсюду всех прокаженных. И вот каждого человека, у которого замечали начало проказы, хватали и везли на Молокаи.

Семейных людей разлучали с их семьями, и Дамиану приходилось не один раз видеть раздирающую сердце разлуку навеки прокаженных с их родными. Больные сопротивлялись этой разлуке, а родственники и друзья прятали прокаженных и всеми способами помогали им спастись от изгнания.

Поэтому закон о выселении прокаженных трудно было приводить в исполнение.

Но когда в 1873 году на престол гавайский вступил новый король, правительство круто взялось за прокаженных. Их ловили везде и везли на Молокаи. Пощады никому не давалось, несмотря на все сопротивления и слезы горя и жалости. Решено было искоренить проказу до конца на всех островах и всю ее перенести на Молокаи.

Остров Молокаи, избранный убежищем для прокаженных, создан был, казалось, для того, чтобы на нем жили самые счастливые люди. Он — один из красивейших островов Гавайи. Вокруг него голубое море; воздух мягок, небо всегда ясное и земля покрыта роскошной тропической растительностью. И среди

Гавайская деревня.

этой радостной, улыбающейся природы суждено было жить одним только несчастным прокаженным.

Проказа — одна из самых ужасных болезней. Она медленно разъедает всего человека. Обыкновенно она начинается с того, что на теле появляются разные пятна. Пятна сначала показываются на лице, на руках и на ногах. Потом они показываются и на туловище. Пятна эти бывают розовые, желтые, желтокоричневые, синеватокрасные и темнокоричневые. На тех местах, где показываются эти пятна, кожа делается толще, уплотняется. Она становится местами точно шагреневая, лоснящаяся. Поэтому эти толстые места на коже увеличиваются, и по ней выступают разные бугорки — иногда маленькие, в горошину, иногда же величиною с грецкий орех и больше. На лбу от утолщения кожи делаются толстые, неизгладимые складки, особенно над бровями, около переносья. Все лицо становится одуловатым. Глаза кажутся маленькими от нависших складок лба. Волосы у бровей выпадают. Нос делается от бугров толще и шире. Губы делаются тоже толстые, и подбородок — уродливый. То же и на ушах — везде вырастают бугры. Бывает, что бугры эти через долгое время так и исчезают. Но чаще всего из этих бугров на теле делаются язвы, которые потом заживают рубцами, причем человек совсем обезображивается: веки остаются выворочены, губы искривлены, пальцы навсегда сведены.

Но бывает и еще более ужасный вид проказы: начинается она так же, то есть, так же на теле человека показываются цветные пятна. Но потом они становятся блестящими и белыми, как снег; потом вся кожа на теле становится сухая, сморщивается, трескается, и в трещинах делаются язвы, около суставов, особенно, около пальцев. Пальцы скрючиваются, ноги и руки сводит. Нередко у боль-

ных отваливаются части пальцев или даже отпадает вся кисть руки или ступни. Лицо тоже страшно обезображивается. Нос проваливается и глаза лопаются. Проказа медленно, шаг за шагом, разъедает все тело человека.

Средство от проказы до сих пор не найдено, и избавления от нее нет.

Ужасную картину представлял из себя остров Молокаи, где жило несколько сот несчастных прокаженных. Они были согнаны со всех концов Гавайи для того, чтобы умирать здесь медленной смертью. Они бродили здесь жалкие, почти бесприютные, оторванные от своих семей. Некоторые из них выстроили себе временные жилища из ветвей касторового дерева, но жилища эти не могли защищать их от дождя, от ветра и холода. Они спали в этих берлогах, прикрываясь листьями сахарного тростника, все вперемежку — мужчины и женщины, дети и взрослые. Почти здоровые спали вместе с больными, тело которых уже гнило от проказы.

Оторванные от друзей и родных, всеми забытые, люди эти видели перед собой только страдания и смерть и махнули на все рукой. «Все равно как погибать», — думали они и предавались ужасному пьянству и распутству. От этого проказа между ними еще больше распространялась, и прокаженные мерли один за другим.

Место это прозвали «Живую могилу». И вправду, оно было таким. Человек, которого туда привозили, чувствовал себя заживо погребенным.

Из нескольких сот прокаженных умирало по 10, по 12 человек в неделю. Но число их не убавлялось. Часто к Молокаи приходил пароход и привозил с собой новых прокаженных, найденных на всех других островах. Тогда молокайские прокаженные выходили навстречу и смотрели с замиранием сердца, не привез ли пароход кого-нибудь из родных или близких, не вернула ли им проказы кого-нибудь из дорогих людей, навеки для них потерянных.

На прокаженный остров заглядывали иногда для порядка чиновники от правительства; заезжали на короткое время казенные доктора и священники для совершения обрядов своей религии. Но все они заглядывали туда на минуту и спешили поскорее уехать. Их пугал отвратительный вид прокаженных и, кроме того, они знали, что, оставаясь долго среди них, всякий человек может заразиться проказой.

Брошенные всеми, не видя никакого света в жизни, прокаженные дичали и оскотинивались. Распутство и жестокость царили между ними. Никто не имел к ним сострадания и они его ни к кому не имели. Они часто безжалостно выгоняли от себя самых слабых больных. Они оттаскивали их далеко от своих селений и оставляли умирать одних, как собак, в самых тяжких муках. Особенно часто это случалось с женщинами и детьми.

Так жили эти, всеми отверженные люди на острове Молокам, который стал царством смерти, страдания, отчаяния и разврата. Годы шли за годами, и ни один луч света не падал во тьму этой живой могилы.

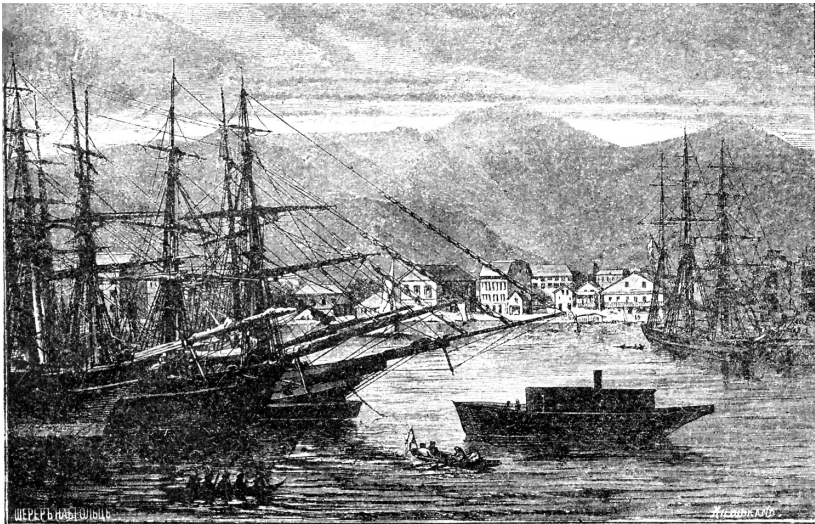
Однажды католический епископ Мерге предложил Дамиану де-Вестеру посетить вместе с ним остров Молокаи, куда епископ ехал навестить католиков-

прокаженных. Дамиан с радостью согласился: ему самому уже давно хотелось побывать на прокаженном острове.

Когда пароход их причалил к молокайской пристани и они вышли на берег, толпа прокаженных вышла встречать епископа. Дамиан много раз видал отдельных прокаженных, но тут он отступил в ужас при виде целой толпы обезображенных людей, покрытых язвами и струпьями.

Сердце его сжималось от ужаса, когда он обходил жилища прокаженных и увидал их жизнь. Он увидел в грязных, вонючих берлогах обнаженных мужчин, женщин и детей, покрытых страшными ранами и валяющихся в грязи, как попало. Никто не ходил за ними, и раны их никем не очищались и не перевязывались. У некоторых даже не было воды для питья, потому что ее привозили издалека.

В этих конурах стояло ужасное зловоние, так что, разговаривая с больными,

Гавань в Гонолулу.

Дамиан вынужден был, время от времени хоть на минуту выбегать из жилища, чтобы вдохнуть свежего воздуха. В некоторых берлогах он наткнулся на пьяных прокаженных, дико размахивавших скрюченными руками или опившихся до полусмерти и свалившихся в полумертвом виде.

Среди этих безобразных, вонючих, разъеденных струпьями и грязью людей виднелись детские личики, тоже обезображенные проказой, страдальчески смотревшие на Дамиана.

Дамиан обходил дальше и дальше. Бесконечная грусть давила его душу, когда он переходил от одного полуразложившегося трупа к другому. Это был какой-то ад, а не жизнь.

Когда Дамиан вернулся к епископу, они отслужили обедню для прокажен-

ных католиков; потом они исповедали их и причащали. Через несколько часов они отплыли обратно в Гонолулу. Всю дорогу до Гонолулу Дамиан был очень задумчив и молчалив. Он сидел один у борта паровой палубы и глядел в ту сторону, где был остров Молокаи. Перед глазами его все стояли бедные, всеми отверженные прокаженные, и тяжелая тоска давила его душу.

Он вернулся в свой приход, но не мог с тех пор спокойно заниматься обычным своим делом. Перед взором его часто вставал Молокаи со своими несчастными жителями. Он думал об их положении и сердце его сжималось от жалости.

Через некоторое время католические проповедники, работавшие на Гавайских островах, собрались однажды для обсуждения различных дел. Между прочим речь зашла об острове Молокаи и его прокаженных и о том, что очень трудно помочь им чем-нибудь; тогда Дамиан поднялся со своего места и сказал, что он хотел бы попробовать помочь им и просить епископа разрешить ему отправиться на Молокаи и остаться там для этого.

Миссионеры изумились этому предложению. Все говорили Дамиану, чтобы он хорошенько еще подумал об этом, что ведь знает же он, вероятно, какая опасность ожидает всякого, кто останется там жить среди прокаженных, что так легко можно тогда заразиться этой ужасной болезнью, от которой нет излечения, и что он лишен будет всякого утешения, потому что для него навсегда закроется общение со всем остальным миром, так как его, наверное, не будут никогда выпускать оттуда, чтобы он не занес с собою проказы.

То же говорил Дамиану и епископ.

— Я знаю это, — отвечал Дамиан, — я все это обдумал и решил. Я — слабый человек, но Господь поможет мне перенести все, что ждет меня на этом пути. Я знаю одно, что нельзя оставлять дольше этих людей без всякой Божеской и человеческой помощи.

Видя, что Дамиан твердо решился, епископ благословил его на это, и когда потом Дамиан, собравшись и простившись со всем приходом, отправился на Молокаи, епископ сам поехал с ним.

По приезде туда епископ собрал всех прокаженных и сообщил им о том, что Дамиан де-Вестер остается у них на Молокаи.

— До сих пор, дети мои, — сказал он, — вы оставлены были без всякого попечения. Но теперь будет иначе. Вот у вас остается человек, который будет заботиться о вас, который полюбил вас настолько, что ради вашего блага, ради блага бессмертных душ ваших, хочет стать одним из вас, с вами жить и умереть.

Через несколько часов паровой пароход, увозивший епископа, скрылся в морской дали, а Дамиан остался один навсегда среди прокаженных.

Это было в мае 1873 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Воскресение мертвых

Трудное дело предстояло Дамиану, — он был один, прокаженных было восемьсот человек. Они жили в двух селениях — Калавао и Калапапа, которые лежали в обширной долине. Остальная же часть острова была покрыта высокими скалами и потоками застывшей лавы.

Первым делом Дамиан стал разыскивать, откуда взять воду, которой не доставало для больных. Они страдали от жажды и от грязи; не из чего было даже варить пищу.

Дамиан с помощью нескольких помогавших ему людей стал разыскивать источники воды, и вскоре они нашли неиссякаемый источник, из которого провели воду к селениям прокаженных. С тех пор чистая вода постоянно издалека течет в избытке в эту местность.

Устранив эту беду, Дамиан принялся устраивать жилища. Он решил, во что бы то ни стало, заменить непрочные, тесные и грязные берлоги прокаженных крепкими и чистыми домами. Однако этого было очень трудно добиться, — не было ни леса, ни денег на покупку его, ни умелых рабочих.

Наконец, в 1874 году, страшный ураган разрушил большую часть сгнивших жилищ, и прокаженные лишились последнего крова и спали, дрожа от холода, на ветру и дожде. Через несколько дней трава, на которой они лежали, стала испускать страшное зловоние.

Дамиан написал тогда ко всем своим друзьям и знакомым, прося о помощи. Потом он обратился к гавайскому правительству с письмом, в котором во имя Божеской и человеческой жалости и справедливости требовал немедленной помощи.

Он не сразу получил все то, что ему было нужно; но он не унывал. Он продолжал уговаривать и пристыжать правительство и богатых людей. Капля точила камень, и понемногу дело подвигалось.

На остров были доставлены строительные материалы, и на месте прежних жалких хижин стали появляться просторные деревянные домики.

Некоторые из прокаженных имели немного своих денег и наняли себе плотников, а для тех, кто не мог нанять их, работал сам Дамиан с несколькими более здоровыми прокаженными. Еще у себя дома, в деревне, он хорошо изучил плотничное дело и некоторые другие ремесла, и все это теперь ему очень пригодилось.

Дамиану было в то время 33 года. Он был вполне здоровый человек, крепкого телосложения, способный к тяжелому труду. Целые недели он работал, как вол, с топором или пилою в руках. Он был полон еще юношеской силы, здоровая краска покрывала его лицо, поступь его была быстрая и твердая.

Долгое время, в начале его пребывания на Молокаи, у него не было никакого

жилища. Он спал, невзирая ни на дождь, ни на ветер, на открытом воздухе, под широкими ветвями большого дерева — пандана. И только много времени спустя он выстроил себе небольшой домик.

К 1886 году на острове Молокаи выстроено уже было 300 домов для прокаженных.

Сироты, оставшиеся после умерших больных, не имели никакого приюта. Для них Дамиан построил сиротский дом. Он состоял из двух строений — одно для мальчиков, другое для девочек. Приют этот находился вблизи от жилища Дамиана, и сорок сирот жили тут всегда под его личным наблюдением. Их обучали всему, что могло быть им полезно и по силам.

То же было сделано и для прокаженных детей, живших при родителях. Сначала Дамиану приходилось заниматься с ними на открытом воздухе, но в скором времени он выстроил для них школу, а в 1880 году и другую, потому что учащихся стало очень много.

Затем Дамиан построил в обоих селениях церкви. При одной из них было устроено большое кладбище. Денег на покупку леса для гробов не выдавалось, так что он завел между прокаженными общество для приготовления гробов беднякам. Дамиану приходилось самому бывать и гробовщиком и могильщиком. В письме к брату своему Памфилию он писал: «Я могильщик, я и столяр; когда время позволяет, я сам делаю гробы или же хороню покойников в их одежде».

Прокаженные терпели большой недостаток в пище. Большинство их питалось Бог знает какою скверною, испорченною едою, да и той иной раз не бывало. Многие голодали и умирали от истощения. В одежде также был большой недостаток. Правительство присылало раз в год запас платья, но платья этого едва хватало на половину больных, а все остальные ходили в грязны лохмотьях или совершенно голые. Теплой одежды почти ни у кого из них не было. А между тем, если прокаженный прикрыт от стужи, то ему гораздо легче переносить свою болезнь; но без теплой одежды они очень страдают. Болезнь начинается ведь у них лихорадкой и сильным кашлем, потом уже выступают пятна и опухоль на лице и на других членах. Затем уже болезнь поражает легкия и распространяется по всему телу.

После долгих и настоятельных просьб и требований Дамиана на остров стали присылать свежие запасы провизии. Но одежды все не было, и Дамиану приходилось во время его жизни на Молокаи выпрашивать, вымаливать и собирать отовсюду платье для прокаженных или деньги, чтобы купить его.

Когда Дамиан явился к прокаженным, они жили грубою, скотскою жизнью и, казалось, навсегда втянулись в нее. С первого же раза некоторые из них объявили Дамиану, что он не хочет никаких новых порядков, и что никого слушать они не будут. Ввозить водку на остров Молокаи было строго запрещено, но прокаженные варили опьяняющий напиток из корней растения таро, которое росло на скалах Молокаи. Они упивались этим напитком до сумасшествия. Раздетые, пьяные, больные шатались по селению и безобразничали. Дамиан стал

добиваться того, чтобы прекратить совершенно употребление этого напитка. Ему пришлось долго с этим бороться, но он добился своего. Прокаженные перестали пьянствовать, и он уговорил даже главных заготовщиков дурмана отдать ему все орудия, которые они употребляли, чтобы варить этот напиток.

Так горячо стал бороться Дамиан с развратом прокаженных. Прокаженных мужей и жен насильственно разлучали с их супругами и привозили одних на Молокаи, так что некому было ходить за ними и даже варить им пищу. Прокаженные мужчины поэтому сходились тут с какими попало женщинами и так же легко сходились и расходились с новыми. От этого здесь царил ужасный разврат, который усиливался еще пьянством.

Дамиан употребил все силы своего духа на то, чтобы заставить прокаженных осознать весь грех подобной жизни, все ее безобразие и безумие, и жизнь прокаженных стала облагораживаться.

Но зато против Дамиана поднялись все злонамеренные и испорченные люди. Они старались восстановить против него и всех других прокаженных. И Дамиан узнал, что значит быть ненавидимым правды ради тем самым народом, которому он отдал свою жизнь.

Однако скоро ему открылся путь к сердцу бедных изгнанников Молокаи. Они видели, как с утра до ночи, целыми днями, он трудился только для них: то с инструментом в руках он шел на постройку домов, то перевязывал раны у больных, то учил их детей, то проповедывал им Евангелие, то молился с ними, то хоронил их покойников. И нежное его сострадание и заботы тронули, наконец, сердца самых беспечных и жестокосердых прокаженных. Прокаженные полюбили его простые, сердечные проповеди. Они узнали из них, что они не проклятые какие-то, не отвергнутые Богом существа, но что в их прокаженном теле живет бессмертная душа, и душа эта от Бога и к Богу пойдет, и что все они такие же дети Бога, Отца жизни, как и все люди, что Он любит их, и они, если только узнали Его, не могут не любить Его, потому что Бог есть любовь; и что и в своей страдальческой жизни они могут быть счастливы, если будут сколько-нибудь жить для Бога, потому что Царство Божие открыто для каждого верующего в Него и исполняющего Его волю. Воля же Его в том, чтобы дети Его жили в братской любви меж собою, в чистоте, в правде, в милосердии, в кротости и терпеливо несли каждый крест свой.

Прокаженные увидели свет и радостно устремились к нему.

— Помните, — говорил им Дамиан, — что Богу бесконечно дорога душа каждого из вас; что Ему дороже одна пропадавшая и нашедшаяся овца, чем сто непропадавших и нашедшихся. Довольно вы страдали одни; довольно вы горевали и блудили, не зная дороги. Утешьтесь, наконец, дорогие братья: царство Божие отныне и вечно открыто для вас. Идите в него только тем узким путем спасения, который указал нам Спаситель наш, Иисус Христос. Будьте чисты сердцем, будьте кротки, будьте милостивы друг к другу. Веруйте, надейтесь и любите, — и Бог всегда будет с вами.

Так сеял Дамиан в души прокаженных учение Христово. И семя это дало

хорошие всходы на прокаженном острове. «И мертвые, услыша глас Сына человеческого, оживут во гробах».

Смерть уносила на Молокаи от 8-ми до 12-ти человек больных в неделю. 2000 прокаженных умерли на глазах у Дамиана в течение его жизни на острове.

Он выстроил больницу для тяжелобольных. За больными ухаживали там их друзья и родственники, еще не вполне обессиленные болезнью. Дамиан беспрестанно бывал в больнице и часто сам кормил прокаженных. Он вкладывал им пищу в рот, если болезнь лишала их владения рук. Почти всегда он приносил больным какие-нибудь лакомства, какие только мог достать.

Больше всего просиживал он с умирающими. Страшен был вид прокаженных в последней степени болезни: они не могли принимать ни пищи, ни питья; они почти не дышали и лежали скорченные, точно груды разлагающегося мяса.

Вот как описывает один путешественник, посетивший Молокаи, прокаженного ребенка:

«Осторожно приподнят был один уголок одеяла; какое-то дышащее существо лежало под ним, — лицо, на котором почти не виднелось и следа человеческого образа: темная кожа, раздутая и почерневшая, покрытая точно каким-то мохом, липким и лоснящимся. Мускулы рта сведены, так что обнаженные зубы оскалены, распухший язык лежит без движения между ними. Веки крепко загнуты кверху, обнаруживая внутренность глаз, совершенно бесформенных, бесцветных, походящих на лопнувшие виноградинки».

Прежде когда-то люди эти умирали брошенные, как падаль; теперь над ними склонялось ласковое лицо доброго человека; глаза его смотрели на них с любовью, уста его говорили им нежные слова утешения и молитвы. И они отходили в вечность, примиренные с миром и озаренные надеждою на вечный покой и блаженство.

Среди своей напряженной работы Дамиан не забывал о своих далеких родных и хотя изредка, но посылал им о себе известия. С особенною любовью относился он всегда к матери. Ей он писал чаще всех и в письмах к братьям всегда вспоминал о ней.

«Как поживает дорогая мама, — писал он в 1874 году одному из своих братьев, — может ли она ходить без палки?».

В этом же письме далее, утешая брата в смерти жены, он писал ему: «Будем помнить, что здесь место нашего изгнания, и что те, которые умирают в Господе, несравненно счастливее, чем ты и я, оставшиеся еще на земле. Господь желает научить нас не привязываться ни к чему земному. Иной раз я чуть не завидую моим здешним умирающим, когда веду с ними предсмертную беседу или предаю их земле. Будем все стараться служить Богу, а это может делать каждый

из нас в своем призвании. Передай мой привет своей семье. Несмотря на все, я очень счастлив и здоров; чувствую себя даже крепче, чем раньше. В свободное время я обрабатываю кусочек земли, чтобы доставить пропитание моим курам, которые в свою очередь снабжают меня пищею в виде яиц. Часто молюсь за всех членов моего семейства. Да благословит их Бог — и живых и умерших».

В 1887 году Дамиан писал родным:

«Телесный труд очень полезен для моего здоровья. Чувствую себя очень хорошо и счастливо среди моих бедных больных. Число их доходит теперь до 800, и правительство все прибавляет, — чем больше хоронишь, тем больше приезжает новых. Здесь они уже остаются на всю жизнь. Болезнь неизлечимая, но может тянуться от 10-ти до 20-ти лет».

Далее он пишет: «Днем почти никогда не бываю дома. Но когда стемнеет, читаю мои молитвы при свете лампочки. Немного занимаюсь или пишу письма. Мне, право, некогда даже и думать о вас, кроме как в молитвах. И теперь я урезал час, другой от моего сна, чтобы написать это письмо и несколько других, которые должен отправить в Европу. Новый год приближается. Желая, чтобы он был счастливым для вас. Не забывайте меня ежедневно в ваших молитвах».

«Возлюбленная мать и дорогие братья! — писал Дамиан в 1879 году. — Напрасно ожидал я от вас известий, точно вы уже умерли или совсем уже забыли меня. Что же касается меня, то я ежедневно посещаю вас душою. Мне кажется, что я точно вижу вас, маму и братьев, за тем делом, которым вы занимались 25 лет тому назад. Здоровье мое, слава Богу, все хорошо, и дело мое все то же самое: ухаживаю за больными, поучаю их и хороню умерших. Лишь только умирают одни, других посылают сюда. Здесь постоянно от семи до восьмисот прокаженных. Я очень редко оставляю это место, так что никаких новостей сообщить вам не могу. Возложим все наше упование и сосредоточим все наши желания на небе, чтобы приготовить там себе вечное жилище христианской жизнью здесь на земле. Приветствуйте от меня всех родственников и друзей. Ваш сын и брат Дамиан».

«Дорогая мать и братья, — писал Дамиан в 1880 году, — вот уже 7 лет, как я живу среди прокаженных. В течение этого долгого времени я видел человеческие бедствия в самом ужасном их виде. Половина людей здесь точно живые мертвецы, которых черви уже начали поедать, сначала внутри. А потом и снаружи, пока не образуются самые ужасные раны, которые почти никогда не исцеляются. Пока я здесь живу, я хоронил приблизительно до 200 человек в каждый год, а число живущих все то же. В прошлом году смерть унесла особенно много больных. На кладбище почти уже негде копать могилы. Величайшая моя отрада — ходить туда, читать там молитвы и размышлять о том бесконечном блаженстве, которым наслаждаются уже многие из моих усопших. Кладбище и госпиталь, где лежат умирающие, самые поучительные для меня книги, как для блага собственной моей души, так и для приготовления моих поучений другим».

Наконец, еще позже он писал матери: «Не унывайте, бодритесь, дорогая

мама. В старости обратите к одному Богу ваши желания. Каждый в своем положении пусть собирает себе сокровища, которые мы можем перенести с собой в другой мир. Здесь мне хорошо. Дело мое все то же среди прокаженных. Колония всегда переполнена».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Слава человеческая

Год проходил за годом. Дамиан по-прежнему трудился для своих больных. Он был все так же здоров и бодр. Сначала он жил на своем острове, как арестант в тюрьме: его не пускали, боясь, чтобы он не разнес проказы. Когда он захотел съездить к своему епископу, правительство строго объявило, что его никуда не выпустят из Молокаи.

Несколько времени спустя, епископ Мегре, объезжая Гавайские острова, просил капитана парохода, на котором он ехал, высадить его на короткое время на Молокаи, чтобы повидаться с Дамианом; но капитан наотрез отказал епископу, сказав, что он не хочет, чтобы к нему на пароход занесли заразу. Тогда епископ просил хотя остановиться и вызвать Дамиана к пароходу. И вот вскоре к пароходу причалила лодка, в которой на руле сидел Дамиан, и гребцами были прокаженные.

Дамиан, не выходя из лодки, переговорил с епископом, который стоял у борта парохода; потом он исповедался епископу. Затем они простились, лодка отчалила и пошла к острову, а пароход поплыл дальше.

Вскоре среди гавайского народа пошли рассказы о молодом священнике, который жил с прокаженными на Молокаи. Имя Дамиана де-Вестера стали везде упоминать с любовью и уважением.

В это время заболела проказою двоюродная сестра королевы. Хотя она и была царского рода, но и ее отвезли навсегда на Молокаи, опасаясь, чтобы она не заразила других. Однажды королева приехала сама на Молокаи, чтобы навестить свою прокаженную сестру. С тех пор, как они не видались, проказа сильно изуродовала принцессу. При виде ее обезображенного лица королева разразилась рыданиями и сказала сквозь слезы:

— Как ты должна страдать здесь, в этом ужасном месте!

Но больная стала утешать королеву:

— Не горюй обо мне, сестра, — говорила она: — я совсем не так уж страдаю, как ты думаешь. Правда, я входила на этот остров с ужасом и отвращением, но теперь я гораздо спокойнее. Ты увидишь здесь человека, который научил нас

находить утешение в любви к Богу и в кроткой покорности к Его воле.

Увидав жизнь прокаженных на Молокаи и все, что делал для них Дамиан, королева почувствовала глубокое уважение к этому человеку. Вернувшись в Гонолулу, она написала Дамиану длинное письмо, в котором благодарила его за безграничное самоотвержение, с каким он посвятил себя облегчению самых несчастных из ее подданных.

При этом письме королева в знак признательности послала ему королевский орден Калакуа. Бедная королева не понимала, что все человеческие украшения — звезды, кресты и ленты — не имеют никакой цены для того человека, который нес крест Христов, крест самоотвержения ради Бога и людей — детей Его.

После этого гавайское правительство стало оказывать Дамиану почести и решило ему ездить без всякого препятствия, куда ему только было нужно.

Когда Дамиан посетил однажды Гонолулу, ему предложили остановиться во дворце и пригласили за царский стол. Ему приготовили пышную парадную кровать, но он спал все время на полу; когда его спрашивали, почему он не спит на кровати, он отвечал, что боится как-нибудь занести заразу. Но тогда он был совершенно здоров и спал так на самом деле потому, что считал, что пышная и мягкая постель не годится для смиренного ученика Христова. Ложе его всегда было жестко и сурово, — он предпочитал спать на одних досках.

Слухи о деятельности Дамиана проникли и через океан — в Америку и в Европу. Известия о нем появились сначала в газетах родины его — Бельгии, а потом стали печататься в газетах других стран и в различных католических журналах. В газетах появлялись даже отрывки из его писем к родным.

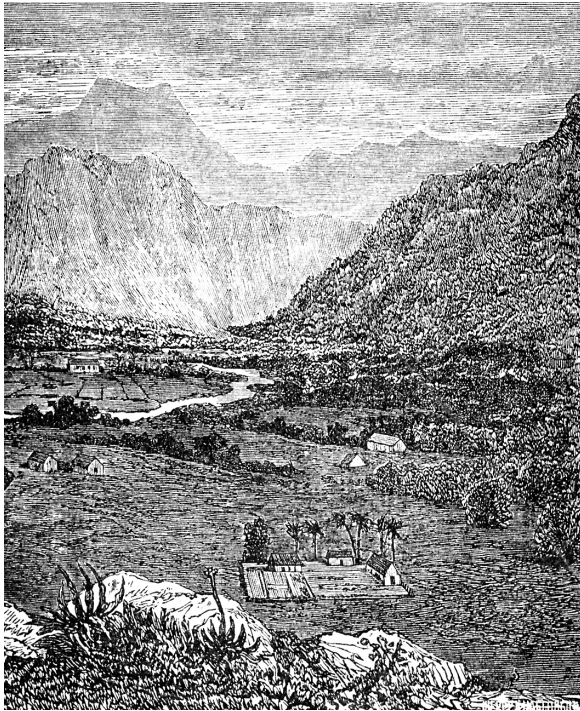
Дамиану было очень неприятно, что о нем заговорили повсюду и печатали похвалы его делам. Он не любил похвал, потому что знал, как незаметно от них рождается в сердце гордость, враг всякой искренней веры и любви.

«Дорогая моя мать и братья, — писал он в одном письме, — простите меня, что я не отвечал на ваши письма от 10-го мая. Не писал вам потому, что каждый день надеялся получить новости от брата Памфилия, а также и потому, что мне было неприятно узнать, что мое последнее письмо к вам напечатано в газетах. Раз навсегда позвольте мне сказать вам, что я совсем не люблю этого. Я хочу оставаться неизвестным миру, а теперь вот из-за этих писем обо мне говорят и пишут в разных местах и даже в Америке».

Но Дамиану де-Вестеру не суждено было оставаться неизвестным. Хотя родные и перестали с тех пор давать печатать его письма, но и без этого известия о нем и его деятельности стали попадаться все чаще и чаще в европейских и американских газетах.

Некоторые люди нарочно предпринимали путешествие в Тихий океан, чтобы побывать на острове Молокаи и увидеть жизнь Дамиана с прокаженными. В 1881 году остров Молокаи посетил один американский путешественник-католик — Чарльз Уоррен Стоддарт, с одним из своих друзей. Вернувшись в Америку, он напечатал рассказ о том, что видел на Молокаи. Вот что он говорил между прочим:

«В селении Калавао, где живет Дамиан, на краю деревни стоит маленькая церковь. К ней нужно проходить через кладбище. Решетку кладбища открыла нам веселая гурьба детей, которые поздравили нас с благополучным прибытием, снимая свои шляпы. Только когда они сняли шляпы, я заметил, что все их бедные личики были обезображены ранами и широкими рубцами, и что ноги и руки многих из них были искривлены и некоторые в крови, — одним словом, они были все более или менее заражены проказой. Такой же вид был и прочих взрослых обитателей Калавао, которые приветствовали нас, когда мы проезжали по деревне.

Долина на Гавайских островах.

«Так как в Калавао редкость увидеть иностранца, то мы были очень скоро окружены целою толпой больных, которые с любопытством рассматривали нас. Они, однако, не слишком к нам приближались и заботливо теснились, чтобы дать нам пройти. По мере того, как число их увеличивалось и новые прокаженные являлись перед нами, каждый из них казался нам ужаснее, чем предыдущий. Мне представлялось просто невозможным, чтобы в живом существе порча могла бы идти еще дальше. Казалось, что нельзя было заживо, до могильного тления, быть отвратительнее, чем эти лица.

«Мы подвигались, густо окруженные толпой прокаженных, которые осто-

рожно оставляли между собой и нами большое пространство для того, чтобы как-нибудь не коснуться до нас. Когда мы подошли к церкви, дверь ее раскрылась, и на верху ступеней появился молодой священник, который вышел поздравить нас с благополучным приездом.

«На нем была изношенная ряса, волосы у него были в беспорядке, а руки почерневшие от работы. Но на лице его светилась доброта, молодость, здоровье, и все его выражение полно было силы, мужества и вместе с тем кротости. Его радостный смех, его простой и сердечный прием — все выказывало в нем человека, способного предпринимать и выполнять самые затруднительные вещи. Это был тот человек, который возложил на себя самую тяжелую и самую высокую из всех задач. Это был Дамиан де-Вестер, добровольный изгнанник среди этого прокаженного народа, один только человек, изыттый от проказы».

Дамиан ввел гостей в свое жилище и предложил им разделить его обед. Он готовил тогда свою пищу из предосторожности сам, и не из-за себя больше, а ради гостей, которые всегда могли навестить его. Других предосторожностей он никаких не принимал, и дверь его никогда не была заперта для прокаженных, так что даже и дома он постоянно был окружен ими.

Но хотя Дамиан и сам готовил пищу, Стоддарт и товарищи его не решились есть ничего приготовленного здесь и отказались от предложенного обеда. Они привезли с собою корзину с провизией и сами, в свою очередь, предложили Дамиану разделить с ними их запас, на что он весело согласился.

После обеда они вышли на двор, и Дамиан кормил там своих кур. «Он вышел, — говорит Стоддарт, — с руками, полными зерен, которые он разбрасывал вокруг, испуская особый крик, на который слетались все птицы. Они со всех сторон окружили его, бились об его плечи, карабкались на его локти, на его руки, даже на голову. Он, видимо, очень любил своих птиц и очень о них заботился. В этом был его отдых и наслаждение».

Перед своим отъездом Стоддарт присутствовал на обедне в Калавао.

«Мне казалось, — рассказывал он, — что эта обедня должна быть заупокойною обедней, потому что все присутствующие на ней были приговорены к смерти. Дамиан сделал мне знак, чтобы я взошел на маленькое возвышение по левую сторону алтаря. Там стоял стул, окруженный решеткой, дверцы которого не трогала ничья прокаженная рука. Я открыл ее и очутился совсем близко к священнику и перед лицом всех тех, которые наполняли церковь. Все, начиная с детей, певших в хоре и служивших при алтаре, до последнего из присутствующих, — все были более или менее обезображены и некоторые обезображены ужасно.

«Великолепные священные сосуды церкви были присланы сюда из Парижа священником церкви святого Роха. Дамиан служил с ним по воскресеньям и во все праздничные дни. Трогательна была та торжественность и благоговение, с которым он служил. Церковь была полна. Там пели простые песнопения, в которых все прокаженные старались, казалось, соединиться в одну душу. Некоторые из них пели трепещущим, хриплым голосом.

«Удивительное зрелище было перед моими глазами: этот алтарь со скатертью ослепительной белизны с сияющими золотым сосудами, этот молодой священник, лицо которого дышало здоровьем, силою и любовью, поющий звучным голосом слова: «Отче наш», и подле него два юноши-клирика, молодые лица которых были уже отмечены печатью смерти, и за решеткою алтаря сотни людей, из которых едва ли был один такой, на которого можно было бы смотреть без ужаса. Некоторые из них походили на выходцев из тления могилы. Смердный запах отравлял воздух.

«Так служил на Калавао Дамиан, и в труде этом ему радостно было соединяться со своим Господом! Глядя на него, мне вспомнился следующий стих из Евангелия от Луки: «Когда Он входил в один город, Ему встретились десять прокаженных, которые держались от Него и громко кричали: Иисусе Наставниче, помилуй ны!». И я подумал, что эти несчастные также просили милости у Господа и что они получили ее от Него через Его верного ученика.

«Во все время службы слышался издали шум морских волн, разбивавшихся о берег, — они точно рыдали о чьих-то страданиях, и шум этот, похожий на глухие стоны, так подходил к этой печальной и в то же время торжественной картине».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прокаженный — друг прокаженных

В то время, когда Стоддарт посетил Молокаи, Дамиан работал уже не один среди прокаженных. Сначала несколько лет он был совершенно одинок в своем труде и очень жалел, что с ним никто больше не работает.

«Хоть бы как-нибудь привлечь сюда хотя одного доброго человека-проповедника, усердного и терпеливого, — писал он в письме к родным. — О чем думают наши молодые соотечественники? Отчего они не выступают с мужественным сердцами на поле битвы с человеческим горем и грехом для того, чтобы пополнить в наших рядах недочет, который делает старость и смерть. Теперь настало время молить Господина жатвы о том, чтобы были высланы свежие делатели».

Но в течение пяти лет никто не являлся к нему на помощь.

Наконец, отыскался человек, который захотел последовать примеру Дамиана. Это был проповедник Николай Ноландер. В 1878 году он приехал на Молокаи, и Дамиан был очень обрадован приезду. Теперь их было двое, а вдвоем можно сделать гораздо больше. Ноландер был полезен не только, как проповедник, — он изучил также врачебную науку и мог, как доктор, лечить больных. Дамиан поселил Норландера в Калапапа; сам же продолжал жить в Калавао. Горячее желание его сбылось: первый делатель вышел за ним на жатву.

Уже больше десяти лет прошло, как Дамиан поселился на Молокаи, и проказа не коснулась его. Он, как мы уже говорили, сам приготовлял свою пищу и мыл свое белье. Он сам также мыл белье для покрывания алтаря, и никто, кроме него, не дотрогивался до сосудов и книг, с которыми он служил в церкви. Однако, больше ни в чем он не остерегался. Все дни свои он проводил среди прокаженных и более всего около тяжелобольных, кормил и лечил их и беспрепятственно поэтому касался их прокаженного тела.

В 1884 году Дамиан заметил у себя на теле какие-то подозрительные пятна. Он никому ничего не сказал об этом. Пятна увеличивались; потом у него стали делаться в разных местах опухоли. Дамиан все еще, однако, никому ничего не говорил. Но вскоре всем стало заметно, что он заразился. Тогда его осмотрели доктора и, желая успокоить его, уверяли, что это вовсе не проказа. Но Дамиан в это время ошпарил как-то раз ногу и не почувствовал никакой боли; тогда он с ужасом понял, что у него началось уже омертвление. За этим последовали и другие роковые приметы.

В это время на остров Молокаи приехал изучать проказу знаменитый немецкий врач Арним. Когда Арним внимательно осмотрел Дамиана, он сказал ему:

— Тяжело мне говорить вам это, но предположения ваши о вашей болезни справедливы.

— Я давно уже убедился в этом, — отвечал Дамиан.

В 1885 году он писал своему епископу:

«Я не могу уже больше приезжать к вам в Гонолулу, потому что теперь и я прокаженный: знаки проказы появились на левой ноге и на ухе; ресницы у меня начали уже выпадать. Вскоре, вероятно, буду совсем обезображен. Теперь уже нет никакого сомнения насчет того, какою именно болезнью я болен. Но я остаюсь спокойным и очень счастливым среди моего народа. Милосердный Господь знает, что лучше всего надо для меня, и я ежедневно от всего сердца говорю: да будет воля Твоя».

Но родным он долго не писал о том, что болен, боясь огорчить свою мать. Она была стара и больна. Она тяжело хворала, когда в бельгийских газетах появились известия о проказе Дамиана. Тогда только она узнала о страшной болезни сына. Кто-то принес ей газету, где говорилось, что у Дамиана де-Вестера тело уже отпадает лоскутками (хотя тогда еще этого не было). Известия эти потрясли ее и ускорили ее смерть.

Перед самою своею смертью она повернулась к висевшему у ее постели портрету Дамиана, кивала ему головой и, глядя на него останавливающимся взором, скончалась.

Между тем священник, помогавший Дамиану, уехал с острова, и больной Дамиан остался снова один среди прокаженных. Он совсем ослабел, но потом, после того, как он пять недель лечился по какому-то японскому способу, ему стало лучше, — страдания уменьшились, вернулся аппетит, и сон сделался спокойнее.

Тогда он снова стал совершать свои обходы деревень пешком и верхом.

Он добился у гавайского правительства, чтобы оно поручило ему построить на Молокаи больницу на 500 человек. Больница начала строиться, и Дамиан, совершенно забывая о своей болезни, распоряжался постройкой, хотя теперь он уже не мог сам работать вместе с рабочими.

В его страданиях его очень утешало то, что его прокаженный народ нашел в это время себе многих верных, преданных друзей даже за океаном, за несколько тысяч верст от Молокаи.

В это время в Камбервелле, одном из беднейших приходов столицы Англии Лондона, жил англиканский проповедник Чапман. Он узнал из газет о трудах Дамиана де-Вестера и был чрезвычайно расстроен их описанием. Когда в следующее воскресенье прихожане Чапмана собрались, чтобы послушать проповедь, он рассказал им со слезами на глазах все, что узнал о Дамиане. Чапман говорил, что в мире есть еще люди, следующие заветам Спасителя, есть еще такие ученики Его, как Дамиан де-Вестер, которые полагают всю жизнь свою в бесконечной любви к Богу и братьям, отвергнутым миром. Он говорил, что жизнь Дамиана показывает наглядно, насколько та жизнь, которую мы ведем, далека от Бога. Если этот человек, заживо умирая, продолжает в тлении своем делать дело любви, то не должны ли преисполниться горячим стыдом мы, здоровые, сильные люди, живущие только для себя и для своих семей и бросающие объедки с нашего стола несчастным? «Но теперь, — сказал Чапман, — подумаем прежде всего о том, нельзя ли и нам прийти на помощь этому человеку и его бедным друзьям».

Прихожане Чапмана были очень расстроены его рассказом и все хотели что-нибудь сделать для того, чтобы помочь молокайским прокаженным. Но Чапман решил спросить прежде у Дамиана, будет ли приятна ему их помощь, и сейчас же написал ему об этом.

Через несколько недель пришел ответ.

Дамиан писал:

«Я получил ваше сердечное письмо. Благословляю Божественного Спасителя нашего, который осветил вас сознанием радости самопожертвования и сделал это через пример бедного священника, который исполняет только то, что обязан делать».

Далее Дамиан писал, что памятование о Христе должно вести нас к отвержению всякого человеческого честолюбия.

«Без постоянного присутствия нашего Божественного Учителя среди нас я не мог бы упорствовать в моем решении разделить участь прокаженных на Молокаи».

Дальше он писал, что Бог послал ему недавно утешение, — один молодой человек, монах, прибыл на Молокаи, желая работать вместе с ним для облегчения

прокаженных.

«Он живет теперь близ меня, как брат милосердия, и помогает мне заботиться о больных. Я уверен, что вы порадуетесь, что милосердный Бог послал мне этого нового товарища. А пока, так же как вы молитесь о нас, я буду молиться за вас и всех ваших, что бы все мы были соединены в Иисусе Христе.

«Что касается до того, что вы думаете сделать сбор для бедных прокаженных, которые поручены мне, могу сказать вам, что между ними есть по меньшей мере 600 человек, для которых и малейшая помощь будет благодеянием. Что касается до меня, то, дав обет нищеты, я не имею нужды ни в чем. Пусть вечное благословение Божие будет с вами, с вашей семьей и со всеми теми, которые могут помочь мне облегчить бедствия моего бедного народа.

«Всем сердцем с вами в Господе. Иосиф Дамиан де-Вестер».

Получив это письмо, Чапман тотчас же обратился к своим прихожанам с воззванием, в котором предлагал им пожертвовать, кто что может, для гавайских прокаженных. К концу первой же недели было собрано 650 фунтов стерлингов (более 6000 рублей), которые Чапман немедленно отправил Дамиану при письме, в котором писал:

«При этом письме приложена маленькая сумма денег. Деньги эти собрали здесь несколько христиан, которые просили меня отправить их вам для облегчения ваших бедных друзей. Я должен сказать вам за них, что история вашей жизни помогла их жизни стать лучше, уча их познавать красоту молчаливого самопожертвования. Они хотят, чтобы я благодарил вас за то, что вы позволяете им положить эту скромную дань их к вашим ногам, пригвожденным теперь к кресту страдания, который вы избрали для того, чтобы разделить его с теми, которые уже несли его. Они думают, что лучший способ сделать что-нибудь приятное для вас и вызвать улыбку на ваших устах — это помочь вам облегчить ваш страждущий народ. Они просят вас употребить эту лепту по вашему усмотрению. Вся ваша жизнь есть для них залог прекрасного употребления, которое вы из них делаете.

«Прошу вас сердечно приветствовать от меня вашего товарища. Радуюсь и благодарю Бога за него, за жизнь, которую он избрал. Я знаю хорошо, насколько редок истинный героизм. Прощайте же пока. Пусть этот маленький цветок любви, который шлет вам Англия, разольет вокруг вас свой аромат и напомнит вам о сердцах тех, которые посылают его в надежде, что все они однажды увидят вас в Боге! Молитесь же всегда за тех, которые поручены мне, и за любящего вас друга Чапмана».

После этого Чапман несколько раз посылал Дамиану письма и пожертвования из Англии.

Английский бедняк-рабочий приносил Чапману гроши, уделенные им из своего недельного трудового заработка, и гроши эти плыли на пароходах через волны двух океанов, доходили для Молокаи, и там на эти деньги кормился несколько дней прокаженный гаваец.

В последнем письме своем к Дамиану Чапман просил, чтобы ему далась хоть частичка того духа самопожертвования, который был в Дамиане. Чапман писал, что для него было бы большим счастьем уехать для того, чтобы присоединиться к Дамиану и помогать ему. Но его останавливало то, что он жил в Лондоне среди городской нищеты и хотя сам он был беден, но старался доставить окружавшим его беднякам работу и помощь, и уйти от них он не мог.

«Если бы не они, — писал он, — то я отправился бы туда, где находитесь вы, и заботился бы, чтобы облегчить ваш труд до вашего возвращения на небесную родину».

В конце письма говорилось: «Вы должны в мученичестве вашем утешаться мыслью о том, что страданием вашим вы привлечете многих других людей к тому же кресту».

И действительно, в это время уже два проповедника и две сестры милосердия прибыли издалека на Молокаи и, поселившись там, разделяли труды Дамиана.

Но самым большим утешением для него было то, что теперь между ним и его прокаженными не было никакой разницы, — всякое различие между ним и ими изгладилось. В своих проповедях он уже не говорил им: «Вы, прокаженные»... но говорил: «Мы, прокаженные», потому что сам был теперь уже совсем одно с ними. Самые озлобленные и грубые из прокаженных, которые не любили Дамиана и бунтовали против него, были тронуты теперь, видя страдания, которые он нес ради них.

Теперь, когда они увидели, что этот человек совершенно положил за них свою душу, они окончательно уверовали в свет Божий в человеке и поняли, что такое христианская жизнь и любовь, и сами стали жить лучше.

И в этом была самая высшая награда для Дамиана.

В 1887 году в Европу пришли известия, что Дамиан де-Вестер уже умер. Известия эти появились в газетах и дошли до родных Дамиана, которые очень горевали.

Дамиан узнал об этих ложных слухах и писал брату Памфилию:

«Молокаи. Ноябрь 1887 года.

«Дорогой мой брат, ты не пишешь мне больше, вероятно, потому, что прочел в бельгийских газетах известие о моей смерти. К сожалению, милосердный Господь еще не призвал меня из этого печального мира, а здесь я теперь почти бесполезен. Однако стараюсь не оставлять моих ежедневных занятий, так как Богу угодно было поручить моим попечениям духовное состояние прокаженных изгнанников в Молокаи. Вот уже два года, как я был избран Божиим Провидением стать жертвою этой болезни, — надеюсь быть вечно благодарным Богу за эту милость. Мне кажется, что эта болезнь может сократить и сделать более прямым мой путь к небесной отчизне. Такова моя надежда. Поэтому я принял эту болезнь, как назначенный мне крест и стараюсь нести его, как Симон-кире-

неянин, по стопам Божественного Учителя. Прошу тебя, милый брат: помогай мне усердно твоими молитвами приобрести силу переносить это.

«Хотя проказа порядочно ужю завладела всем моим телом и до некоторой степени обезобразила меня, но сильные боли в ногах прошли. Я еще владею руками, так что еще могу служить каждый день обедню, а это — большое утешение для меня и для тех, вместе с которыми я страдаю.

«Здесь живет со мною пятьдесят сирот-мальчиков, которыми я много занимаюсь в свободные минуты. Смерть скосила у нас так много народа, что число наше убавилось на 500, но правительство высылает новых больных большими партиями каждую неделю, так что число наше, вероятно, вскоре удвоится или утроится. И если всемогущий Бог сохранит меня еще в силе, усилится и моя работа собирания в житницу тех бедных душ прокаженных, которые обратились к Богу. Проси всех молиться об обращении к Богу наших несчастных изгнанников, из которых многие поражены более духовною, чем телесною проказой. Я по мере сил стараюсь засеять и поливать поле, порученное мне Божественным Спасителем. Дела у меня чрезвычайно много, а время быстро летит. Покоем и радостью полно мое сердце; мне думается, что я счастливейший праведник в мире, и поэтому жертва моим здоровьем, которую угодно было Богу принять для того, чтобы сделать мое служение среди прокаженных более плодотворным, — жертва эта очень незначительна и полезна для меня. Дерзаю сказать, подобно апостолу Павлу: «Я умер, и жизнь моя сокрыта со Христом в Боге».

«Никаких особенных известий не могу сообщить тебе. Передай мою братскую любовь всему семейству. До свидания на небе.

Твой Дамиан».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Рай прокаженных

Известный в Англии живописец Клиффорд сначала, как и все богатые досуговые люди, любил только светские удовольствия и человеческую славу, которая легко доставалась ему за его прекрасно написанные картины. Но потом с ним произошла большая перемена. Он стал много думать о Христе, Его учении и жизни, и особенно дороги ему стали те люди, которые стремятся жить так, как учил людей жить Христос.

Когда Клиффорд узнал из газет и рассказов путешественников о Дамиане де-Вестере, он почувствовал глубокую любовь к нему. Он тотчас написал ему, и с тех пор они стали дружески переписываться.

Письма Клиффорда были полны горячей преданности. Он знал, что Дамиану уже не долго оставалось жить на свете, и ему хотелось во что бы то ни стало повидаться с ним до его смерти.

И вот наконец Клиффорду удалось сделать это. Он оставил свои занятия, бросил неоконченные картины и уехал на Гавайские острова. Он повез с собою много писем от английских друзей Дамиана и подарки молокайским прокаженным. Из Англии Клиффорд отплыл в конце ноября 1888 года. Пробыв недолго в Гонолулу, он поспешил на Молокаи.

Маленький пароход «Молокаи» уходил из Гонолулу по понедельникам. Было 5 часов дня, когда Клиффорд отплыл на этом пароходе. Солнце вскоре зашло, и когда он приплыл к маленькой пристани, устроенной на морском берегу за городом, стало уже темно, и лунный свет зеленоватою полосой ложился на море.

С пристани слышались жалобные стоны и рыдания. Клиффорд разглядел там кучку людей — это были новые прокаженные, которых увозили на Молокаи, и родные их, пришедшие навсегда проститься с ними. Тринадцать прокаженных посадили в лодку и повезли к пароходу. «Муж мой! муж мой!..» — кричала с берега надрывающимся голосом какая-то женщина. Но пароход уходил в море, и постепенно стоны с берега становились все слабее и слабее и, наконец, совсем перестали быть слышны.

На заре пароход уже остановился против Калапапа, и Клиффорд увидал две маленькие церкви с высоко торчащими куполами; вокруг них рассеяны были белые хижины прокаженных, столпившихся на пристани встречать приезжих.

Море было в это утро такое бурное, что пароход не мог пристать к берегу. Берег был дикий, обрывистый, и волны, ударяясь о скалы, поднимались на высоту больше семи саженей. Тогда пароход пошел в Калавао. Но и тут опасно было подойти к самому берегу и решено было переправить пассажиров на лодке.

Человек двадцать прокаженных стояли на берегу.

Кто-то сказал Клиффорду: «Вот идет Дамиан». Клиффорд увидал медленно спускавшегося с горы высокого человека в соломенной шляпе. Он, видимо, с большим трудом спустился вниз и сел на берегу. Пароход стоял так близко к берегу, что Клиффорд сейчас же заговорил с Дамианом.

Багаж Клиффорда, наконец, выгрузили, и лодка пошла к берегу. Матросы бережно везли большие корзины с бутылками, в которых Клиффорд привез лекарство для смазывания ран у прокаженных.

Наконец все вещи выгрузили, и Клиффорд высадился на берег. Дамиан схватил его за руку и ласково улыбаясь, помог взобраться на скалистый берег. Он называл его, как брата, просто по имени «Эдуард» и сказал, что видно, так Богу угодно было, чтобы они встретились здесь, в этом грустном месте.

Дамиану было тогда 49 лет. Он был плотный, крепко сложенный мужчина, с черными курчавыми волосами и короткою бородой с проседью. Лицо его когда-то было красиво; но теперь он уже весь был обезображен проказой, хотя лицо все еще не утратило своего приятного, умного выражения. Лоб был распухший и морщинистый. Бровей не было; нос был впалый, и уши очень раздувшиеся; руки и лицо изъедены были нарывами.

Клиффорд привез с собою ящики с подарками. Они были очень тяжелы, и прокаженным трудно было вынести их из лодки и вытащить на берег; но об-

щими силами кое-как втянули их на берег, и прокаженные понесли подарки в Калавао.

Клиффорду захотелось выкупаться с дороги. Пока он купался, Дамиан сидел на берегу и читал письма, которые Клиффорд привез ему от разных далеких его друзей.

Потом они пошли в селение. По дороге Дамиан с оживлением рассказывал и показывал Клиффорду все, что могло быть тому любопытным. Пока они поднимались в гору, на которой выстроена деревня, Дамиан показал большой курятник, огороженный прокаженными, и суетившихся там стаи кур. Когда они пришли в Калавао, он повел Клиффорда к неоконченной еще церкви. Там он радостно указывал ему места, куда можно будет повесить картины из евангельской истории, привезенные Клиффордом из Англии. Тут же подле церкви Дамиан показал и то пандановое дерево, под ветвями которого он ночевал в первое время своей жизни на Молокаи.

Рядом с церковью стоял и домик Дамиана. Здесь встретил их священник Конрарди, который жил с Дамианом. Он повел их в маленькую столовую, где уже был приготовлен обед. К обеду пришел еще брат Иаков, мирянин, поселившийся в Калавао для того, чтобы работать с Дамианом. Это был высокий, здоровый ирландец. Он очень понравился Клиффорду своей простотой и сильной любовью к Дамиану.

По желанию Дамиана они сели из предосторожности не вместе с ним, а за отдельный стол, а он сидел за отдельным столом тут же поблизости, и все они во время обеда весело разговаривали.

После обеда они поднялись по маленькой лестнице во второй этаж дома, на балкон, заслоненный от солнца кустами душистого горошка в цвету. Дверь с балкона вела прямо в рабочую комнату Дамиана, где на стене висела большая карта всего света; рядом с этой комнатой была его маленькая спальня.

Клиффорд проводил потом самые отрадные часы на этом балконе, рисуя портрет Дамиана и разговаривая с ним. Прокаженные часто приходили сюда смотреть, как рисует Клиффорд.

Лица их были большею частью опухшие, обезображенные, кожа натянутая, глаза навывкате, налитые кровью; но все же они казались Клиффорду не такими страшными, как он ожидал; у прокаженных совсем не было убитого, подавленного вида, и многие из них были совершенно веселые люди. Несколько человек из них всегда возились и забавлялись в саду перед балконом.

Раз, когда Клиффорд рисовал портрет, Дамиан с грустью посмотрел на его рисунок.

— Какое ужасное лицо! — сказал он. — Я и не подозревал, что болезнь моя настолько усилилась.

Зеркала на Молокаи не было, и поэтому Дамиан в первый раз видел свое лицо, обезображенное проказой.

Клиффорд предложил ему снять фотографию с портрета и послать брату Дамиана в Бельгию. Но Дамиан сказал:

Дамиан прокаженный
(Снимок с портрета, рисованного Эд. Клиффордом)

— Лучше не делайте этого, так как он, вероятно, очень огорчится, когда увидит меня таким безобразным.

Пока Клиффорд рисовал, Дамиан читал молитвы или беседовал с ним; больше всего он любил говорить о проповеди Евангелия среди язычников и дикарей. Иногда Клиффорд пел ему религиозные гимны и песни, и в такие минуты лицо Дамиана принимало особенно нежное и кроткое выражение.

Он не придавал себе вида ни мученика, ни святого, ни героя. Клиффорд говорил, что он никогда не видывал более смиренного человека. Когда он передавал Дамиану поручения, одобрения и благословения от разных людей, почитавших его, Дамиан смущался и удивлялся тому, что о нем знает столько народу.

По просьбе Клиффорда, он стал мазать свои нарывы и язвы лекарственным маслом, которое Клиффорд привез из Англии. Через две недели стало заметно хорошее его действие: лицо Дамиана приняло лучший вид, сон сделался спокойнее, а до тех пор он мог спать только с открытым ртом. Руки тоже немного

поправились, и, наконец, однажды в воскресенье Дамиан объявил Клиффорду, что утром в первый раз после целого месяца он мог петь молитвы.

Клиффорд обрадовался этому облегчению, хотя оно оказалось только временным.

Подарки, привезенные Клиффордом, доставили много радости прокаженным, особенно бедным детям. Здоровые дети прокаженных иногда увозятся отсюда и, по желанию родителей, призываются в убежище в Гонолулу, пока на них не видно заразы; а если оказывается, что и они заражены, то их сейчас же отправляют на Молокаи.

Видно было, что Дамиан особенно заботился о детях и старался сделать все, чтобы их жизнь была посветлее, порадостнее. Он составил из детей хор певчих. «Они поют очень хорошо, — рассказывал Клиффорд: — один взрослый мужчина пел очень приятным баритоном, и маленькие ребята громко вторили своими звонкими металлическими голосами».

Клиффорд привез с собою орган, и Дамиан сейчас же показал своим мальчикам, как играть на этом инструменте. Они были в восторге от органа, и с тех пор, когда ни проходил Клиффорд чрез Калавао, он всегда слышал, как играли на органе.

По праздникам прекрасно играла на органе прокаженная женщина, которая когда-то была известной музыкантшей в Гонолулу.

Клиффорду очень понравились некоторые латинские церковные рождественские песни, которые пели прокаженные. Но самой трогательной песней была у них «Песнь прокаженных». Ее сложил какой-то прокаженный певец. В этой грустной песне он оплакивал их печальную долю.

Клиффорд привез с собой также волшебный фонарь и в воскресенье вечером показывал туманные картины из жизни Иисуса Христа, а Дамиан объяснял их прокаженным. «Трогательно было видеть, — рассказывал Клиффорд, — эту жалкую, обреченную на смерть толпу, внимающую повествованиям об исцелениях, страданиях, распятии и воскресении Спасителя».

Гуляя по острову, Клиффорд видел тихую и спокойную жизнь прокаженных. Днем прокаженные сидели больше у дверей своих жилищ, весело разговаривали между собой и толкли корень таро, любимую свою пищу. Под вечер, многие из них, мужчины и женщины, катались от одной деревеньки до другой.

Сталкиваясь с прокаженными, Клиффорд всегда встречал добрый привет и ласковую улыбку. Тишиной и покоем веяло теперь от их жизни.

Так изменилось это место, когда-то обитель тьмы и страха. Теперь Молокаи называли даже «раем прокаженных». Конечно, это было далеко не рай, но зато это было уже такое место, где жили такие же люди, как и везде, с обыкновенными людскими радостями и печальями, а не те заброшенные, отвергнутые изгнанники, которые жили здесь когда-то.

Клиффорду тяжело все-таки было в течение двух недель видеть одни только

прокаженные лица. Особенно больно было постоянно видеть больных детей. Он не мог смотреть без ужаса на одного больного ребенка, лицо у которого было совершенно как у старика.

Но едучи сюда, он все-таки ожидал увидеть здесь что-то вроде ада. А вместо этого он встречал приветливые и спокойные лица. Особенно удивил его один добродушный слепой в госпитале. Он говорил Клиффорду, что благодарен Богу за эту болезнь, потому что она предохраняет его от многого зла, которое он наделал бы, если бы был здоров.

Когда Клиффорд сказал раз Дамиану о том, что как тяжело все-таки, вероятно, было бы ему жить вечно среди прокаженных, среди страдания, уродства, зловония и горя, Дамиан отвечал ему:

— Я не хотел бы вылечиться, если бы для этого мне пришлось оставить это место и отказаться от моей работы.

Клиффорд передал ему письмо от одной женщины, которая писала: «Вы отпустились от всего земного, чтобы служить Богу и помогать другим, и я надеюсь, что вы теперь чувствуете такую радость, которую ничто не может отнять у вас».

— Скажите ей, — сказал Дамиан со спокойной улыбкой, — что это правда. Я действительно испытываю теперь такую радость.

Когда Клиффорд передавал ему письма и подарки английских друзей, Дамиан был очень тронут, что англичане-протестанты — люди другой религии — так любят его.

В день Рождества Клиффорд принес Дамиану книгу с религиозными гимнами. Книгу эту посылали ему дети госпожи Грановер. Дамиан прочитал на первой странице книги слова любви, написанные детской рукой: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». И он сказал, что эта книга будет ему особенно дорога и что он часто будет ее перечитывать.

Он заметно особенно привязан был к детям и все просил Клиффорда навестить и позаботиться о трех девочках, дочерях прокаженных, которые были недавно перевезены в Гонолулу.

Клиффорду очень жаль было, что он не мог понять проповеди, которую Дамиан говорил в день Рождества Христова. Проповедь была длинная и оживленная и велась на гавайском языке. После полудня в этот день Дамиан беседовал с детьми о Спасителе.

Клиффорд привез с собой много разных книг, которые разделил поровну между прокаженными католиками и протестантами.

Дамиан отзывался Клиффорду очень хорошо о протестантском проповеднике, который приехал на Молокаи ухаживать за прокаженной женой и проповедовал в протестантской церкви.

Вообще Дамиан не делал никаких различий между людьми из-за того, что они были другой веры. С ним каждому таковому человеку легко было говорить,

никакой преграды между ними не чувствовалось. Ко всем людям он относился с равной любовью, и если даже он опровергал убеждения, которые он считал неправильными, то и при этом старался прежде всего никак не нарушать любви к человеку, с которым говорил.

Клиффорд вспоминает дни, проведенные с Дамианом на Молокаи, как самые светлые дни своей жизни.

Дамиан никогда не входил в ту гостиницу, где остановился Клиффорд, потому что там останавливались только здоровые люди. Но по вечерам он всегда приходил посидеть на ступеньках балкона гостиницы и вел свою обычную ласковую, простую беседу. Звезды южного неба сверкали над его головой. И долины Молокаи облиты были золотистым лунным светом.

В последний день года в Молокаи прибыл корабль, который привез двести друзей и родных прокаженных в гости, всего на несколько часов. Море было такое бурное, что из лодок выскочили на берег одни только мужчины, женщины же оставались в лодках, но так, что могли видеть своих прокаженных друзей и беседовать с ними. Сколько было радостных встреч, а потом горестных расставаний! Весь народ вышел на берег, и много было рыданий, стонов и слез.

На этом корабле Клиффорд уезжал из Молокаи.

Дамиан провожал его до корабля.

Когда корабль стал сниматься с якоря, на темные скалы громоздились темные тучи, а бурные потоки воды бежали по горным скатам.

Маленькая деревня с тремя церквями и маленькими домиками белела у подножия этих скал. Дамиан стоял со своим народом на высоком берегу до тех пор, пока корабль медленно скрылся из виду. Солнце уже закатывалось за морем... И жизнь Дамиана была уже близка к своему закату...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Конец земного пути

Клиффорд был последний гость из Европы, видевший Дамиана де-Вестера. После его отъезда Дамиану становилось все хуже и хуже. Проказа охватила теперь все тело его. Но, пока глаза его глядели и язык мог говорить, он заботился о своем народе.

В последние недели своей жизни он послал несколько писем Клиффорду. Самому ему уже трудно было писать, и он диктовал письма своим товарищам, которые были при нем.

4 января 1889 года Дамиан продиктовал брату Иакову следующие строки к Клиффорду:

«Очень благодарен Вам, милый друг, за Ваше масло: оно весьма облегчает меня. Я очень обрадовался письму от пастора Чапмана и прошу Вас, когда Вы

увидите его, выразить бесконечную мою благодарность этому горячему другу прокаженных и всем соучастникам в его добрых делах. Наградой ему пусть будут молитвы прокаженного священника и страждущего его народа, ежедневно возносящиеся к престолу Всевышнего.

Желаю видеть всех вас счастливыми.

Ваши во христе Дамиан».

21-го февраля брат Иаков писал Клиффорду о Дамиане: «Он так же бодр, как и всегда, и продолжает стараться об улучшении положения прокаженных. Прибавилось 12 новых больных, и все относительно счастливы». В конце этого письма Дамиан приписал своей рукою: «Любовь моя и благие пожелания доброму другу Эдуарду. Я медленно взбираюсь по крестному пути и надеюсь скоро быть на вершине моей Голгофы. Ваш навсегда Дамиан».

В последнем письме к брату Памфилию от 19-го февраля 1889 года Дамиан писал: «Мне трудно теперь уже писать тебе. Болезнь моя движется с каждым днем вперед. Тем не менее, я всегда счастлив и доволен и желаю одного только исполнения воли Божией». Потом он отдавал брату отчет во всем сделанном им за эти годы, так как приближался конец его работы. Он писал, что священник Конрарди трудится уже вместо него в его деревне, а другой проповедник заменил его в соседнем селении. Затем два брата милосердия помогали ему заботиться о ста сиротах, которых он призревал сам под свои крылом, а три сестры милосердия взялись ухаживать за прокаженными, находившимися в госпитале; число этих больных доходило до тысячи.

Отдав этот отчет брату, он поручил ему передать самые сердечные пожелания братии Лувенского монастыря, так же, как и всем своим родным. В конце письма он писал: «Я могу еще, хотя и не без труда, стоять каждый день перед алтарем, где я не забываю никого из вас. Молитесь и вы, в свою очередь обо мне, ибо последний час мой тихо приближается. Пусть Бог укрепит меня и даст мне последнюю милость — терпение до конца и блаженную смерть».

В конце февраля Дамиан послал последнее письмо Клиффорду. Вот оно:

«Калавао, 28 февраля 1889 г.

Дорогой Эдуард, Ваше доброе письмо подкрепило меня в моем довольно тягостном теперь положении. Я стараюсь, однако, нести безропотно и по возможности неспрадно давно предвиденное бремя этой болезни, которая, несомненно, есть благодетельное средство, отрешающее сердце от земных привязанностей и возбуждающее в христианской душе сильное желание соединиться — чем скорее, тем лучше — с Тем, Кто один есть истинная вся жизнь.

Во время Ваших долгих странствований по направлению к Вашей родине не забывайте единого узкого пути. Обоим нам надо осторожно ступать по нему, чтобы встретиться в обители общего и вечного нашего Отца. Передайте мое сердечное уважение, молитвы и пожелания всем сочувствующим нам друзьям.

Счастливого пути, дорогой друг, и до свидания на небе.

Ваши Дамиан».

23 марта Дамиан мог еще двигаться, но с 28-го марта он не выходил больше из

своей комнаты. Он закончил все свои земные дела, подписал бумаги и сказал брату Иакову:

— Как счастлив я, что умираю бедным, не имея ничего своего.

Иногда он очень сильно страдал и часто бывал без сознания. Он лежал без движения в своем бедном жилище. Звук моря все слабее слышался ему, и доброе лицо брата Иакова, ходившего за ним, становилось все туманнее перед его слабеющими глазами.

30 марта, после того, как он молился со своими товарищами, он сказал им:

— Посмотрите на мои руки: они делаются черными, и раны на них затягиваются. Это знак, что смерть близка. Посмотрите на мои глаза: вы увидите в них те же приметы. Я видел столько умирающих прокаженных, что не могу ошибиться. Смерть не замедлит более. Бог зовет меня, и до Пасхи я буду уже с ним. Пусть будет Он благословен тысячу крат.

2 апреля, после молитвы, он сказал:

— Как добр Бог, что сохранял мою жизнь так долго, чтобы дать мне радость видеть здесь, около меня, в последние минуты, двух проповедников и оставить в нашей больнице двух добрых сестер милосердия. После этого я могу сказать только: «Ныне отпускаеши». Теперь здесь есть кому потрудиться для прокаженных; я не необходим более и могу уйти туда!

— Испросите для меня там такое же великое сердце, как Ваше, — сказал Конрарди. Потом он сказал ему еще: — Оставьте мне Ваш плащ, как Илия.

— Господь с Вами! — отвечал Дамиан, улыбаясь. — Что Вы из него сделаете? Ведь он весь пропитан проказой.

Силы Дамиана уже совершенно иссякли. Он лежал, не двигаясь, на матраце, разостланном на полу, как самый бедный из прокаженных. Его едва могли уговорить, чтобы он позволил положить себя на принесенную постель. У него не хватало даже самого необходимого белья.

17-го апреля, после полуночи, Дамиан последний раз причащался. Он не мог больше говорить, но сжимал еще руки своих товарищей, желая этим выразить свою любовь к ним.

Он умер в этот же день.

Печально звонил колокол в Калавао, и по всему селению послышались вопли прокаженных.

Дамиана похоронили под тем пандановым деревом, под которым он ночевал здесь в первый год своей жизни на Молокаи. Тело его легло в землю рядом с кладбищем, где покоятся две тысячи бедных изгнанников, которых он сам хоронил.

Сильная духом, деятельная личность Дамиана и добрый звонкий голос его исчезли навсегда из Молокаи, но любовь его осталась там. Она перешла в сердца его товарищей, и мертвый Дамиан делает через них свое дело, как живой.

*) Сборщики податей.

**) Ев. Матфея V, 44 — 48.